

МАРИНА ИНДИВИ

Молодые
ДЕВОЧКИ
попадают
В РАЙ

Марина Индиви

Плохие девочки попадают в Рай

«Литнет»

2024

Индивиди М.

Плохие девочки попадают в Рай / М. Индивиди — «Литнет», 2024

Диана Астахова — «золотая» девочка, дочь криминального олигарха. Она считает, что все вокруг создано для нее, скрывая внутренний надлом за беспорядочными связями и маской холодной стервы. Она ненавидит всех, кто хотя бы мало-мальски похож на отца. Андрей Шмелёв — СЕО крупной компании. Он считает, что миром правит цинизм, а все вокруг созданы для того, чтобы это доказывать. О своем одиночестве Андрей предпочитает не задумываться и ненавидит таких, как Диана. Что будет, если эти двое однажды встретятся? Катастрофа. Противостояние не на жизнь, а на смерть. И чувство, которое либо уничтожит обоих, либо...
ОДНОТОМНИКПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: #действительно_плохая_девочка
#жесткий_герой #нецензурная_лексика #строго_18+

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	31
Иллюстрация. Ники	35
ГЛАВА 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ГЛАВА 1

Диана

Плохие девочки попадают в Рай.

Плохие мальчики — в самое сердце. Так говорит моя вроде как бести Ники Савицкая, и я с ней согласна. Хорошим девочкам в «Раю» делать нечего. Особенно если это элитный ночной клуб, с высоты которого весь город виден как на ладони.

Сегодня он арендован под мероприятие: юбилей отец отмечает с размахом. Толпа гостей, большинство из которых — его сотрудники с семьями. Подобные сборища с детства нагоняли на меня тоску. Начиналось это всё на уровне ресторанов, а после — загородного дома, когда руководители всех подразделений конторы, в которой папуля был начальником, норовили потрепать меня по голове и умиленно восхититься: «Дмитрий Семёнович, какая у вас очаровательная, серьёзная девочка!» Ладно хоть ума хватало не добавлять классическую фразу «вся в отца», потому что назвать моего отца очаровательным можно было только с большого перепоя и предварительно составив завещание. Если бы он не нашёл себя в девяносто первом в строительном бизнесе, то мог бы подрабатывать на заморозке речек в осенне-весенний период. Лично у меня под его взглядом разве что пар изо рта не шёл.

Ко мне отец относился снисходительно и безразлично — давно махнул рукой, но папалась я с ним не столько из-за себя, сколько из-за матери. Когда-то она, будучи студенткой последнего курса медицинского института, проходя интернатуру, познакомилась с инженером высшей категории. Вряд ли тогда можно было предположить, что её будущий муж станет одним из тех, кого будут называть сильными мира сего.

В свои шестьдесят пять отец выглядел по меньшей мере лет на десять младше: высокий, подтянутый, импозантный мужчина. Ничего удивительного в том, что на него западали и вешались дамочки всех возрастов, а папуля никогда не отказывал себе в подобных развлечениях. Что самое паршивое, мама об этом знала и молчала. Она относилась к тому типу женщин, которые всю себя посвящали семье, предпочитая лишний раз сходить с дочерью на прогулку, чем посидеть с подругами. Такие люди более ранимы и беззащитны, несмотря на всю их кажущуюся внешнюю силу.

Я слышала, как мама плачет в спальне, чуть ли не с того дня как сказала «агу», поэтому с момента осознания себя как существа разумного у меня начались отчаянные контры с отцом. Учитывая тот факт, что воспитывала меня преимущественно мама, я для родителя со временем стала досадным недоразумением. По его мнению, я была недостаточно женственной (читай, недостаточно под него прогибалась). Вместо того, чтобы увлекаться танцами, я ходила на лазертаг, лучшим другом до шестого класса у меня был парень не из самой благополучной семьи. Позор на отцовскую стильную проседь. Правда, никто до сих пор не в курсе, что мы с этим самым парнем собирались сбежать в ЛА и начать новую жизнь вдвоём. Диму от меня отвалили через пару месяцев недовольства отца (как обычно, с его родителями «просто поговорили»). Через пару лет Дима собрался бежать в ЛА с девчонкой из параллельного класса, а к концу школы спился, и это последнее, что я о нем слышала.

Когда мне исполнилось четырнадцать, мама умерла. Рак не щадит даже близких сильных мира сего. К такому подготовиться невозможно, но это произошло настолько быстро, что надолго выбило почву у меня из-под ног. И в этот самый момент отец решил, что пора взяться за моё воспитание самому.

Он всегда считал меня пацанкой, слабовольной, неспособной даже на мало мальское сопротивление чужой воле, но в попытке перековать меня под себя обломался в лучших порывах души. Надо отдать ему должное, папуля держался почти два года. Это выливалось в конфликты, после которых я сбегала из дома, его люди находили меня в квартирах друзей, ночных

клубах самого разного уровня: вытаскивали чуть ли не за волосы, заламывая руки и затыкая рот, потому что я брыкалась, пиналась, орала, вспоминая отца и свору его цепных псов таким отборным матом, от которого у неискушенных вяли уши. Друзья и подруги у меня менялись часто — хотя бы просто потому, что их родители, а зачастую и они сами, не выдерживали такой дружбы.

В итоге отец понял, что проще будет оставить меня в покое, поэтому в настоящий момент у нас с ним сохраняется негласный нейтралитет: он не трогает меня, я не порчу ему репутацию. Для всех я примерная дочь, которая готова пойти по стопам отца (то есть работать юристом в его большом бизнесе). О другой стороне моей жизни мало кто знает. Отец не планирует передавать мне своё дело. Для этого у него есть сын от второго брака, которому уже десять лет. Его воспитанием он занимается лично. Бедный ребёнок.

Иными словами, сейчас я живу в квартире, которую мне купил папочка, на его деньги, езжу на тачке, которая тоже его откуп, абсолютно не заморачиваюсь по поводу того, что буду делать дальше и не мучаюсь совестью золотой девочки. С отцом мы видимся по таким вот большим праздникам — на которых я обязана присутствовать и не выделяться априори. С его новой женой мы друг друга тихо ненавидим и предпочитаем лишний раз не пересекаться. Оно и понятно — она видит во мне угрозу своему сыночку, а я в ней — одну из тех сучек, которые стоили моей матери нервов и жизни.

Каждый отцовский день рождения — это вечер, выкинутый из жизни, и испоганенное настроение. Я не могу выдерживать эту толпу напыщенных бумеров-лицемеров больше чем сорок минут без перерыва, посему к принятому мной ещё перед праздником алкоголю во время каждой новой паузы добавлялся особый вейп, и мне становилось всё лучше и лучше. К счастью, отец предпочел традиционному застолью классический фуршет, что избавило меня от пытки общения с его гостями и родственниками, с которыми я могла бы оказаться за одним столом, и только одно омрачало мою радость: предстоящий тост.

Нет, наболтать я могла много чего, но к тому моменту, как мне предстояло его говорить, моё сознание уже отказывалось исправно функционировать, плюс к тому на ногах я держалась исключительно из спортивного интереса. Обеспечив своё устойчивое положение стенкой, я доблестно ждала, когда тамада подойдёт ко мне с микрофоном, чтобы отбрехаться насквозь пропитанной фальшью тирадой и страшилась этой минуты практически как Судного дня. Когда ведущий направился в мою сторону, я вся подобралась, насколько представлялось возможным, но... по дороге он свернул к другой жертве, на ходу вещая о том, что слово представляется некоему Андрею Николаевичу Шмелёву, папочкиному партнёру по бизнесу, а если быть точным — представителю компании-инвестора.

Я облегченно вздохнула и подумала, как будет здорово, если меня обойдут милостью тоста совсем. Ещё пара часов, и можно благополучно свалить. На этой мысли у меня случилось заедание, как у поцарапанного диска, которые я слушала в детстве: свалить, свалить, свалить...

Всему виной оказался вышеупомянутый Андрей Николаевич, потому что когда он заговорил, я замерла в той позе, в которой находилась до этого. Не то чтобы я западала на мужиков с первого взгляда, но это... этот... это... этот...

Понемногу приходя в себя, я всё-таки сумела сформулировать, свои эмоции по его поводу и охарактеризовать одним словом: шикарный. Он, то есть этот самый Шмелёв — ростом не уступающий папочке, темноволосый с тёмными глазами (отсюда разглядеть было невозможно, но в уме я уже перебрала все возможные оттенки и нашла, что ему пошёл бы ярко-синий) — выглядел как голливудский актёр или модель. А какой у него был голос: низкий, обволакивающий бархатистый баритон ... Бля-а-а-а-а-а! Я не прислушивалась к тому, что он говорит — при всём желании не могла сосредоточиться, потому что все мозги сейчас спустились на несколько этажей ниже. Перед глазами уже замелькали кадры, как все уходят, а он подходит ко мне, выдёргивает из-за стола в этом самом зале, впивается яростным поце-

луем в губы, а потом мы с ним трахаемся прямо на фуршетном столе. Нераскрытым оставался только один момент: кой хрен я так набралась... и следом: не надо было курить вейп с травкой так часто.

Не знаю, как я дотерпела до того момента, как раздался звон бокалов, но после наскоро опрокинутой в себя очередной порции безумно дорогого шампанского, мгновенно ретировалась сначала к скоростным лифтам, а потом на улицу. Вероятно, моя траектория слегка отличалась от заданной траектории трезвого человека, потому что я ловила на себе недоуменные взгляды всех, кому посчастливилось оказаться на моем пути.

Холодный сентябрьский воздух ударил по одурманенному сознанию, помогая временно прийти в себя. Я полезла за своими вейпом, спустя минуту уже с наслаждением втянула в себя холод с терпким ароматом травки и, запрокинув голову, расхохоталась. Это ж надо так обдолбаться — повестись на первого попавшегося, хотя и бесспорно красивого мужика. Да как повестись! Я всё ещё ощущала пульсацию между ног. И всё это в то время, как дома ждёт не дождётся Никитос.

Я не спешила возвращаться в мир реальный, стоя с запрокинутой головой и прислушиваясь к внутренним ощущениям, несущим меня сквозь пространство и время. Совсем некстати музыка и голоса, доносящиеся из ресторана на первом этаже на мгновение стали громче, совсем рядом раздались шаги... Я открыла глаза и, должно быть, слишком резко придала голове наиболее физиологичное положение: в глазах потемнело, а ноги подогнулись. Так и не успев узнать, кому же посчастливилось выйти на крыльцо, я полетела прямо на невольного свидетеля моего падения. Чьи-то сильные руки подхватили меня в этом свободном полёте и достаточно резко поставили на ноги.

Я открыла глаза и охренела. Прямо передо мной стоял Шмелёв — да-да, тот самый Шмелёв, от которого мои ноги собирались произвольно разойтись в поперечный шпагат. Наверное, я была бы меньше удивлена даже если бы прямо передо мной нарисовался мой папочка в балетной пачке, исполняющий танец маленьких лебедей. Представляю, как я на него смотрела.

Зато у него выражение лица было такое, будто перед ним лежала препарированная царевна-лягушка в человеческий рост третьей степени разложения.

Он ни слова не сказал, только отвернулся, закрывая ладонью язычок пламени зажигалки от ветра, а я вспыхнула: даже сквозь первые осенние заморозки ощутила, как мгновенно запылали мои щёки.

Блядь! У некоторых слово «шлюха» звучит как комплимент, а этот умудрился меня в два счёта опустить молча — так, что я мигом ощутила себя чем-то средним между бомжихой на помойке и хронической алкоголичкой в обоссанных трико и драной майке.

Ладно, сейчас мы с тобой разберёмся, Андрей Николаевич.

Я усмехнулась и протянула ему руку.

— Диана Дмитриевна. Астахова.

Если он и был удивлён тем фактом, что я — дочь знаменитого Астахова Дмитрия Семёновича, то виду не показал. Пожал мне руку и со снисходительной улыбкой отозвался:

— Андрей.

Он затаился и снова отвернулся, мгновенно утратив ко мне всякий интерес, и я почувствовала, что закипаю. Зашквар полный. Никто. Никогда. Не смотрел на меня так, как это сделал он. Поэтому стереть выражение невыразительного безразличия с этой голливудской физиономии стало делом чести.

Шмелёв не смотрел в мою сторону, не обращал ни малейшего внимания, своими руками вручая мне преимущество неожиданности. Судя по всему, он был целиком и полностью погружен в свои мысли, а мне вдруг в голову пришла одна не совсем адекватная — по ходу, спиртное на пару с травкой здорово ударило по мозгам. Эта мысль мелькнула на самом краю сознания в тот момент, когда я шагнула вперёд, оказавшись прямо перед ним, а в следующую секунду

уже целовала его в губы — сильные, тёплые, хранящие привкус сигаретного дыма. Годнота, я точно знаю о чем говорю, такие сигареты недешевые и послевкусие от них с легкой ореховой горчинкой. Никогда в жизни я ещё так не заводилась от поцелуя, и на какой-то краткий миг показалось, что мне отвечают, а, что самое паршивое — я даже не успела насладиться мгновениями его офигения, потому что сама закрыла глаза.

Правда, уже в следующий миг пришёл Большой Облом — его руки легли на мои плечи и, отстраняя, сжали так, что мне стало некомфортно.

Я вернулась в реальность и поняла, что с вычислениями своими не просчиталась. Глаза у него были темно-синие — синее не бывает, и в них сейчас светила такая ярость, что, будь я потрезвее, мне стало бы не по себе.

В нынешнем состоянии я оказалась способна только на неуверенное:

— Отпустите... — и дёрнулась в его руках. На самом деле я вовсе не так уж хотела освободиться, а если быть честной — совсем не хотела, но не могла же я ему показать, что сделала это не по приколу. Потом меня в очередной раз размазали по земле ёмким замечанием:

— В вашем возрасте уже пора знать свою меру, Диана. Дмитриевна.

Он отпустил мои плечи, а я всё ещё стояла напротив него, хлопала глазами и не уставала охреневать, откуда в нём столько умения опускать вполне безобидными словами.

— Вам бы... мои проблемы, — многозначительно выдала я, после чего гордо ретировалась назад в помещение, понимая, что сейчас самое время вызвать такси и отчалить в объятия Никитоса. По многим причинам.

ГЛАВА 2

Андрей

Мы заехали за Серёжкой к матери Ирины около часа назад. Всю дорогу он клевал носом рядом с ней на заднем сиденье, дома она практически сразу уложила его спать. К тому моменту, как Ирина вышла из его комнаты, я стоял на открытом балконе и курил. Она подождала несколько минут — переключая телевизор с одного канала на другой, потом вышла ко мне.

— Пиджак накинуть не хочешь? Простудишься же.

Я затыкнулся, ответил, не оборачиваясь.

— На лекарства я пока что зарабатываю. Смею заметить, даже на дорогие.

— Очень смешно.

— Все мы, мужчины, одинаковы.

Она вышла, при этом совершенно спокойно закрыла за собой дверь. Я уважаю в Ирине её характер. Мы с ней не просто супруги и любовники, мы партнёры. Мы похожи друг на друга больше, чем нам того бы хотелось. У каждого из нас своя отдельная жизнь. То что связывает нас воедино — сын, взаимный расчёт и то самое партнёрство. Я необходим Ирине как источник стабильности, она мне — как мать для Серёжки. Всё это, плюс взаимная поддержка, временами секс — и ничего больше.

По-другому не было никогда. Ирина знала, на что шла, когда выходила за меня замуж, и её всё устраивало. Устраивает и сейчас. Ей нравится быть директором небольшого туристического агентства, которое я ей купил, нравится ездить на Гелике, быть красивой, уверенной в себе, холёной — и находиться в центре пристального внимания мужчин. Мне нравится то, что она не задаёт вопросов и никогда не устраивает сцен.

Всё идеально.

Я докурил и вышел в гостиную. Иногда наша квартира кажется мне неоправданно просторной, большой для трёх человек — и слишком пустой. И это в то время, как в Африке голодают дети.

Цинизму собственных мыслей я уже давно перестал удивляться: когда твоя жизнь насквозь пропитана игрой на публику, он начинает сочиться сквозь поры. Можно сказать, я им отравлен и закалён.

Я прошёл в кабинет, открыл макбук и откинулся на спинку кресла. «Легко в этом Мире быть сильным», — сказал Чехов. Чехов жил в другое время, был романтиком и идеалистом. В реальности гораздо проще быть таким, как все — серостью, довольствоваться тем, что в толпе тебя не отличат от других из-за торопливой походки, сутулой спины и абсолютной бесцветности. Здесь грани между обязанностями и правами стёрты, и ты спокойно можешь позволить себе быть таким, каким душа требует, прожить всю жизнь в двухкомнатной квартире с евро-ремонтom и быть по-своему счастливым. Можно, конечно, пропить двухкомнатную квартиру и начать бомжевать, сославшись на то, что не прыгнуть тебе выше начальника отдела «лёгонькой промышленности» — но это уже особенности человеческой никчемности. Крайности существовали всегда и везде.

Я погрузился в работу и даже не заметил, как в кабинет зашла Ирина.

— Ты к Серёже заглядывал?

— Не думаю, что парню жизненно необходим мой поцелуй на ночь.

— Андрей, он ещё ребёнок. Ему необходим ты.

— Да, — согласился я, продолжая просматривать отчеты аналитиков.

— Да — и что дальше? В те редкие моменты, когда вы с ним общаетесь, у меня создаётся ощущение, что ты пытаешься говорить с ним на равных. Ему пять лет. Немного не твой уровень.

Я оторвался от монитора и взглянул на жену.

— Предлагаешь мне смотреть на него глазами, полными восхищения и целовать на ночь? Знаешь, кто обычно вырастает из таких мальчишек?

— Счастливые люди. Понимающие, что они нужны родителям.

— Ириш, как ты до своих лет дожила с такими представлениями о жизни?

Она фыркнула.

— Это безнадежно.

— Я безнадежен.

— Не без этого. Дети растут очень быстро, Андрей.

— Я о том же.

Разговор закончен, больше мы к нему не вернёмся. За что ещё люблю свою жену, она никогда дважды не заводит обсуждение одной и той же темы.

— Тебя не ждать?

Я покачал головой, возвращаясь к работе.

Завтра у меня рабочий день, а у кого-то суббота. Как им там живётся, с двумя полноценными выходными в неделю?

Через несколько минут свернул отчет и подключил VPN для международной корпоративной сети. До завтра надо было еще дополнительно изучить аналитический отчет консалтинговой компании в Лондоне, с которой мы сотрудничаем.

Некстати перед глазами родился образ девчонки, дочери Астахова, которая шагнула ко мне пьяная в хлам. Ее так вело, что она чудом держалась на ногах, а еще она укурилась. Ненавижу женщин в таком состоянии, особенно ненавижу, когда они в таком состоянии начинают липнуть, но с ней все получилось иначе. Остро. Ярко. Ни на что не похоже. Словно все мои принципы хрустнули, как скорлупа фарфора под армейскими сапогами. Полетели ко всем чертям, стоило разгоряченному телу прильнуть ко мне, а мягким губам с характерным сладковатым привкусом накрыть мои.

Аромат кофе распространился по кабинету, когда Ирина прошла к моему столу. Передо мной возникли блюдце и чашка со свежесваренным кофе.

Счастье есть.

Она поставила их на стол, рядом положила сигареты.

— Больше не теряй.

— Ты чудо, — сообщил я, не отрываясь от монитора.

— Должен будешь.

— Натурой возьмешь?

Ирина хмыкнула и рассмеялась.

— Пока твоей натуры дождешься, состаришься.

— Всё настолько плохо?

— Не засиживайся.

Она вышла, а я взял чашку и сделал пару глотков.

Кофе Ирина готовит потрясающе.

Впрочем, не она одна.

Диана

Я валяюсь на кровати в спальне, свет включен — по крайней мере, я это точно помню, но в глазах всё равно темно. Из темноты периодически выплывает лицо Никиты — взволнованное и рассерженное одновременно.

— Доигралась?! — Его голос доносится откуда-то издалека — как голос сантехника, запертого приколитами в канализации. Если бы мне не было настолько хреново, я бы смеялась. Хорошо хоть проблевалась в ванной, пока душ принимала — до этого вкупе со всем име-

ющимся в наличии сейчас симптомами ещё и тошнило. В настоящий момент только на глаза давит, в голове всё плывёт — да-да, именно так, а не наоборот, и в темноту увлакивает. А ещё дышать нечем.

— Диана! — Он шлепает меня по щеке — не больно, но достаточно ощутимо.

— Отвали... — говорю я заплетающимся языком, — мне... и так хреново.

— Я тебе отвалю... Я тебе сейчас так отвалю, что мало не покажется! — В голосе его слышатся металлические нотки, но мне уже плевать. — Сейчас вызову скорую. Это ты на всю жизнь запомнишь, даже не сомневайся.

Эти слова возымели на остатки моего сознательного сомнительный эффект, но после них я даже попыталась подняться.

— Я т-те вызову...

— Лежать! — Его руки надавили на мои плечи, возвращая в исходное положение. — Вряд ли тебе это о чём-то скажет, но давление сто на пятьдесят — не лучший способ закончить вечер. Или начать утро?..

Я сдавленно пискнула, выражая протест, когда он направился к окну.

— У тебя голова мокрая. Простудишься ещё.

— Не... закрывай... — кажется, это были мои последние слова перед тем, как я отключилась. Того, как он заворачивал меня в одеяло и ложился рядом, я уже не помнила.

Зато просыпаться было чудесно. С похмелья у меня голова не болит. Состояние такое, как будто внутренности взбивали миксером под анестезией, плюс помойка во рту и абсолютное нежелание признавать себя существом из этого мира. Но самое мерзкое проявление этого состояния — сушняк!

Не открывая глаз, я похлопала рукой по одеялу и обнаружил отсутствие Никиты. На работу, значит, ушёл... Облегчение было недолгим и прервалось, когда я услышала, как в кухне что-то звякнуло. Твою м-м-мать, сегодня ж суббота!

Словно в подтверждение моей последней донельзя ёмкой мысли послышались шаги, дверь открылась и на пороге нарисовался мой бойфренд. У него что, встроенные на моё пробуждение локаторы?!

Он просто стоит и смотрит — ну вот откуда в нём это, а? Умудряется заставить меня почувствовать себя ещё гораздо более мерзопакостно, чем есть на самом деле. Может, по его понятиям это и правильно, но хрена с два мне это приятно.

— Что вылупился? — угрюмо говорю я, натягивая одеяло до подбородка. — Паршиво выгляжу, знаю.

— Ты в курсе, что тебе нельзя так пить?

— Скажешь сейчас, что я девочка, я восстану и съем твой мозг. Мне было паршиво, я надралась, накурилась и проблевалась. Круговорот дерьма в природе.

— Легче стало?

— Стало, — я абсолютно в этом не уверена, но отвечаю быстро, без малейших колебаний. С Никитой только так — или вопросами замучает — как в том армянском мультике про зайца, из которого тулуп вышел и пошёл в другую сторону. Мама его обожала.

— Отлично. А твоему организму?

Блядь.

— Никит... — многозначительно произношу я. Спокойно, но в голосе уже слышатся предупреждающие нотки. Он прекрасно знает, что ничем хорошим это для нас не заканчивается. Однажды мы с ним разосрались так, что я думала — уже не сойдемся. Нет ведь, приехал. Прощения просил.

Какое-то время он молча смотрит на меня, должно быть предполагая, что я почувствую себя кринжово и извинюсь, после чего разворачивается и уходит, не сказав ни слова. И то ладно, лекция на тему: «Кто не курит и не пьёт — тот здоровеньким помрёт», — отменяется.

События прошлого вечера понемногу возвращались — только хронометр работал в обратном порядке. Я вспомнила, как Никита шёл впереди меня по лестнице к лифту, не оглядываясь, а я полировала своим новеньким плащом стену, поднимаясь за ним, как он ждал меня во дворе и курил — замёрзший и злой, созерцая мою траекторию от машины такси до него, напоминающую зигзаг. Память воскресила, как таксист слегка сблестнул (в бизнес-классе не повыражаешься при клиентах), когда я издала странный звук, сидя в салоне его машины — испугался, что блевану прямо там. А ещё вчера вечером я приставала к папочкиному партнёру по бизнесу.

Это было более чем реально.

Даже сейчас мне казалось, что я чувствую вкус его губ и запах дорогого мужского парфюма, как если бы он незримо присутствовал рядом со мной в этой комнате. Вообще-то я визуал и кинестетик — реальность и окружающих воспринимаю через зрительные образы и прикосновения в настоящем, а не через размытые воспоминания, но в этот случай стал исключением из правил. М-да, весёлый вчера был вечер.

Усилием воли я подняла себя с постели и отправилась умываться. Это только в паршивой романтической мелодраме героиня может напиться в хлам, а наутро проснуться свеженькой, бодренькой и порхать, как мотылёк по направляющим цветочкам жизни. В реале ты стоишь перед зеркалом в ванной, протирая отёкшие глаза и пытаешься понять, почему у тебя вчера не хватило остатков мозгов — не будем идеализировать и говорить: просушить, а хотя бы банально расчесать волосы и смыть макияж. Моя так называемая модная стрижка превратилась в кошмар стилиста. Густые каштановые патлы разбились на три лагеря, часть из которых смотрела в стороны под разными углами, часть — вниз, сбившись в вороньи гнезда, а не вошедшие ни в первую, ни во вторую группу бодро топорщились рожками, а еще меня можно было выпускать в леса Китая, панды приняли бы за свою. Красотка, одним словом!

Из ванной я вышла спустя полчаса. Десять из них ушло на то, чтобы придать моим волосам относительно приличный вид, ещё двадцать — на умывание и душ. На маску с патчами меня не хватило, ибо я сомневалась в том, что они помогут. А еще меня знобило и лежать с чем-то холодным и мокрым на лице не хотелось. Правда, моя отличительная особенность — выглядеть без макияжа невинно и уютно даже с перепоя. В итоге когда я выползла на кухню пред Никиткины очи, смотрелась я вполне приличной девочкой. Даже и не скажешь, что ночью чуть в рай не попала.

— Ты уже завтракал? — невинно поинтересовалась я.

— Я уже обедать собрался. — Стоя рядом с открытым окном, Никитос курил и не смотрел в мою сторону.

— Ну ладно, — я пожал плечами и открыла холодильник, достала бутылку воды. Остановилась только когда горло свело кашлем — холодная зараза!

— Ка-а-а-йф...

— Диана...

Меня называют полным именем... Дело плохо.

— А? — Я включила чайник, подошла к Никите, обняла его со спины и прижалась всем телом.

— Если тебе наплевать на себя...

Я ткнулась носом ему в затылок.

— Хочу тебя.

Он покачал головой и обернулся, оказавшись со мной лицом к лицу.

— Ты понимаешь, что нельзя над собой так издеваться?

— Да, папочка.

— Тогда зачем?

— Паршиво было.

— Легче стало?

— Ты уже спрашивал, — хитро улыбнулась я, запуская руку ему в джинсы. Он дёрнулся, но я не отпустила. Погладила его член лёгкими дразнящими движениями через бельё.

— Ты считаешь, что все проблемы можно решить сексом и травкой? — хрипло спросил он, впрочем, в его голосе я уже слышала совершенно иные нотки, и это мне нравилось.

— Не худший вариант, между прочим, — я беззастенчиво забираюсь рукой ему в трусы, соединяю пальцы в кольцо, обхватывая его напряжённый член, — теперь понимаешь, почему я обожаю их создавать?..

Последнее я выдыхаю ему в ухо, практически сливаясь с ним. Романтически настроенный лирик сказал бы, что мы представляем собой единое целое, повторяя каждую линию и контур друг друга. А я бы сказала, что это чистейшей воды порнография в полный рост.

Я знаю, что заводит его больше всего: не моя опытность, блядские замашки и то, что я позволяю делать с собой что угодно — от чего сносит крышу у моих мимолётных дружков и знакомых. Нет, в случае Никитоса это мои прикрытые глаза и закушенная губа, капельки пота над верхней губой, хриплые стоны и сбивающееся дыхание. Ему нравится чувствовать, что мне с ним безумно хорошо. Его проблема в том, что он меня любит, а я этим пользуюсь.

У меня уже горячо между ног и прикосновение его пальцев к коже чувствительных складок, когда полы халатика расходятся, заставляет меня на мгновение утратить над собой контроль и выгнуться с хриплым стоном. Я прихватываю губами мочку его уха, выдерживаю паузу и прикусываю кожу на шее. Ощутимо, но ровно настолько, чтобы Никита с хриплым выдохом положил свою руку поверх ткани брюк, направленным движением заставляя меня сжать пальцы и провести по его члену всей поверхностью ладони.

Хрена с два всё будет так, как ты хочешь, радость моя.

Вытаскиваю руку из его штанов, разворачиваю лицом к себе и толкаю к подоконнику.

Прежде чем он успевает что-то сказать, затыкаю ему рот поцелуем и тут же, не позволяя опомниться, расстёгиваю его джинсы и стягиваю их вместе с бельём. Отрываюсь от его губ и сползаю вниз — телом по телу.

— Диана, ты...

Его голос срывается на стон, когда я кончиком языка обвожу головку его члена и обхватываю её губами. Он выгибается, непроизвольно толкаясь в мой рот, вцепляется в подоконник так, что белеют пальцы.

Так-то лучше, Ник. Так-то лучше.

Втягиваю его в себя, совершаю глотательное движение и слышу его горловой стон. Медленно, сантиметр за сантиметром выпускаю его член из себя, потом сжимаю губы чуть плотнее и снова втягиваю. Это продолжается до тех пор пока сквозь Никиткины стоны не прорывается на выдохе моё имя:

— Ди...

Если бы я не была возбуждена так сильно, он бы так легко не отделался, но сейчас я хочу этого не меньше, чем он. Если не больше.

Кроме того, он и так заведён до предела.

Медленно выпускаю его член изо рта, поднимаюсь и мгновенно отступаю к столу, резко тяну его на себя. Он порывается увести меня в спальню — когда-нибудь я его точно прибую за его рыцарство в самые неподходящие моменты — но я резким движением стягиваю скатерть со всем содержимым прямо на пол и выдыхаю:

— Здесь. И. Сейчас. Так, как я люблю, — отталкиваю его руку, когда он порывается — мне бы его самоконтроль — снова ласкать меня между ног, и в моих интонациях звучит почти угроза, — нет.

Сейчас его не приходится просить дважды — он опрокидывает меня на стол и входит одним резким движением. Я почти ору — но это то, что мне нужно: сейчас и всегда. Я это

знаю, и он это знает, хотя, когда всё закончится, будет ненавидеть себя за это. Ненавидеть и желать это повторить. Потому что это — бесстыдно разведённые бёдра, согнутые в коленях ноги, мои всхлипы, когда он двигается во мне, зажмуренные глаза и — по нарастающей — стоны, срывающиеся на крики — иногда бессвязные, иногда вполне членораздельные — это то, что ему нужно, как подсевшему на кокаин очередная доза. Его наркотик — я. Наркотик, с которого так просто не слезешь. Поймать среди криков «ещё» и «сильнее» своё собственное имя для него — нечто невообразимое, но такое бывает редко.

Сейчас я кричу, но уже от наслаждения, которое кратковременными вспышками дразнит изнутри, когда его член внутри до предела, а бедра задевают клитор. Его движения становятся более резкими, сильными, дыхание сбивается. Я чувствую, что он вот-вот кончит, и это только подстёгивает меня. В финале мы кричим оба, и я догоняю его с разрывом в какие-то секунды. Секс — это не спорт? Ха, расскажите это кому-то другому.

Самое натуральное соревнование, особенно в моем случае. Соревнование с точностью, да наоборот, потому что первое место победой не считается. Он почти лежит на мне, пытаюсь отдышаться, а я разглядываю потолок, обнимая его одной рукой, и пытаюсь выровнять своё дыхание. К саднящей боли от резкого проникновения добавляется ощущение полного удовлетворения, и это то, что я называю временным кайфом.

Когда мы соскреблись со стола, у него было такое лицо, как будто он отымел самого себя.

Чисто теоретически я могу его понять. Но посочувствовать не могу. У меня никогда такого не было — чтобы с кем-то единственным, ни с кем больше: так, чтобы ни есть, ни пить и не спать. Так, чтобы до полного растворения в человеке, чтобы жить им, его болью, счастьем, его физическими ощущениями. Чтобы ловить кайф чувствуя приближающийся оргазм другого, а потом ненавидеть себя от того, что невольно позволил себе причинить ему боль. Пусть даже он от этой боли прётся, как кот по валерьянке — мой случай.

«Меня это убивает», — как-то написал он в теге. Ник ведет закрытый канал для себя, но если я хочу что-то прочитать, я нахожу способ это сделать.

Хотя он слишком любит меня, чтобы полностью утратить контроль над собой, чтобы вцепиться рукой в мои волосы, насаживая горлом на свой член, или оттрахать так, чтобы я потом неделю ходить не могла. Ни по комнате, ни тем более по универу. Мне ни разу не удалось его на это спровоцировать, а когда я говорю об этом прямо, у него становится лицо, как у сиделки в психушке. Иными словами, с Никитосом я эту тему больше не пробиваю. Тем более что желающие находятся и без него.

Сейчас я смотрю на его потерянную физиономию и понимаю, что действительно убивает, что это не просто слова. Я это вижу, и мне скучно.

— Ты обедать собирался, — говорю я насмешливо, глядя на разбросанную по полу посуду, часть из которой даже уцелела. Запахиваю халат и иду к холодильнику, зная, что ответа не дожусь. Он сейчас чувствует себя убудком, и это его святое право.

ГЛАВА 3

Диана

На лекциях мне всегда хочется спать. Что я и делаю, расположившись на последнем ряду. Сквозь монотонный стук дождевых капель по стёклам, который ещё больше навевает сон, сквозь полудрему доносятся отрывочные фразы:

«Здесь и далее...»

«... адаптации базовой модели анализа безубыточности».

«Переменные затраты также можно оценить в процентах от объема продаж...»

Как можно запихнуть столько посторонних предметов в обучение на юриста? Ума не приложу. Если бы программу составляла я, там все было бы по существу. Хотя мне и по существу скучно. Отец предлагал мне учиться за границей, но я отказалась. Сейчас вот думаю: почему?

На этой мысли и засыпаю, а просыпаюсь ближе к концу пары, устраиваюсь поудобнее, положив голову на руки. Крекер продолжает вещать свою финансовую муть, а я смотрю на Пуговку. Крекер — это наш препод, получивший своё прозвище за то, что у него постоянно что-то хрустит. Возможно, скрипучие ботинки — это несчастный случай, но скрипучая кожаная куртка, с которой остатки кожи осыпаются — это уже диагноз. А ещё по теории Вселенской Гармонии ему уже давно пора рассыпаться от старости, а не лекции читать.

Я молчу про очки.

Пуговка — это узаконенный вариант спортсменки, комсомолки, но, к сожалению, отнюдь не красавицы по аналогии с баяном из советского прошлого моих родителей. Роста в ней полтора метра в прыжке с цилиндром, пухленькая, но при этом абсолютно лишена сисек и задницы. Меня всегда интересовало, как живут такие люди, у которых кроме общественных заданий и учебы в жизни только постеры полуголых мужиков, Бриджертоны и сопливые книжки про любовь.

Сидит, с сосредоточенной мордочкой что-то строчит. Даже не на планшете, в обычной тетрадке.

Я достаю айфон и пишу:

«Если бы ты была Пуговицей, ты бы повесилась, застрелилась или утопилась?»

После чего отправляю Ники, которая сидит со своим парнем через два ряда от меня. Она смотрит на дисплей, улыбается уголком губ и пишет:

«Я бы просто не рождалась».

«Экономия в чистом виде», — отвечаю я.

«Времени и человеческих ресурсов», — подтверждает Ники, после чего поворачивается к Макару, он явно занят тем, что шарит у неё под юбкой.

Я пользуюсь моментом, делаю скрин и отправляю нашу переписку в общий чат группы.

Сейчас мне очень скучно, а реакция этой девицы может стать хотя бы отчасти забавной.

Вариант не бей лежащего — туфельки испачкаешь, это не про меня.

— Пуговица! — шепчу еле слышно. — Там про тебя в чате новости.

На меня оборачивается сидящий впереди наш отличник Антон Роговцев по прозвищу Куколд, но под моим взглядом тут же отворачивается. Пуговка открывает чат, читает, роняет ручку, краснеет. Заметно краснеет — даже уши. Наклоняется за ручкой, и я по её лицу вижу, что вот-вот заплачет.

Я тут же теряю к ней всякий интерес, погружаясь в свои мысли о том, чем и кем занять вечер. Никитос сегодня трудится в ночную смену. Ему гордость не позволяет не работать, хотя денег моего папочки с лихвой хватило бы, даже если бы мы жили вдвоем.

Звонок звенит, и однокурсники превращаются в растревоженных пчел. Все собираются, мгновенно срываются со своих мест, поэтому задание на дом Крекер выдаёт уже полупустой аудитории.

Мне в глаза почему-то бросается фраза «... инвестированный капитал» из всего множества пунктов, что старикан старательно выводит на доске. Интересно, почему?..

Ники, которую Пуговка на выходе из аудитории награждает преисполненным гордости взглядом и с видом оскорбленного достоинства удаляется, смотрит на меня и насмешливо спрашивает:

— Астахова, тебе заняться больше нечем, как над лузерами прикалываться?

Разве мне нечем заняться?

Если только совсем чуть-чуть.

— Обиженные жизнью обычно издеваются надо всеми самим фактом своего существования. Поэтому я просто восстанавливаю вселенскую справедливость.

— Не хочешь волонтером к черепашкам поехать?

Ники тоже за словом в карман не лезет, на этом мы с ней и сошлись. Ну и на том, что она тоже кладет на приличия и мнение окружающих большой и толстый. В частности, она почти сбежала волонтером к этим самым черепашкам на остров, куда они приходят откладывать яйца. Исключительно чтобы позлить отца, но ее перехватили в аэропорту и вернули. В универ.

— Подумаю, Ромашка, — отвечаю в тон ей. — А ты опять билеты купила?

Ники ухмыляется, хотя терпеть не может это «Ромашка». Оно ей досталось за внешность: если я могу быть милой в исключительных ситуациях, то она так выглядит всегда. Миниатюрная блондинка с беби-фейс, плюс еще короткая стрижка... Мечта любого папы просто. Не липнут они к ней исключительно потому, что ее отец любому папы за свою дочь оторвет папское достоинство. Он у нее тоже из высшей лиги.

— Не связывайся с Ди, — советует Макар. — Она не в настроении.

Я приподнимаю брови и снова на глаза попадает «инвестированный капитал».

В этот момент в памяти всплывает лицо Шмелёва. Вот кто на самом деле заслуживает внимания. Шикарный мужик, просто шикарный.

Улыбаюсь Ники, подмигиваю ее парню и говорю:

— С моим настроением все окей. Ты даже не представляешь, насколько.

Кажется, я нашла, чем мне заняться в ближайшее время.

А точнее, кем. Но это уже только моё дело.

Андрей

Рабочий день закончился несколько часов назад. Я люблю это время, потому что для меня основная работа начинается после четырёх — по окончании всех совещаний, переговоров, встреч и решения текущих вопросов.

Джина любит смотреть, как я работаю — мне это абсолютно не мешает, а ей нравится. На каком-то этапе, когда глаза устают от искусственного света, я отрываюсь от монитора и смотрю на неё: застывшую изваянием в кресле напротив.

Я отслеживаю каждое её движение — подсознательно, и даже не сразу отдаю себе отчёт в том, насколько мне знаком каждый жест. Я изучал и исследовал эту женщину всё время с того самого дня, как увидел впервые. За пять лет знакомства мы не продвинулись в наших отношениях от постели ни на шаг — по обоюдному желанию, и никто из нас ни разу об этом не пожалел.

Я смотрю на её тонкие пальцы, сжимающие сигарету, потом перевожу взгляд на губы: такие же тонкие, плотно сжатые. Прямой, острый нос, светло-серые глаза, которые не становятся теплее, когда я встречаюсь с ней взглядом. Волосы уложены каждый раз одинаково, стро-

гие офисные локоны, естественный блонд. В этом весь её образ: защитная мембрана, постороннему кажущаяся бронёй. Для человека, не знающего Джину так, как её знаю я, может показаться, что он имеет дело с безэмоциональной, жёсткой черствой бабой с яйцами, привыкшей подчинять и управлять. Я один из немногих, кто видел Джину Росс настоящей, и могу сказать, что она из тех людей, встреча с которыми оставляет неизгладимый след в твоей жизни.

Большинство окружающих нас можно прочесть, как открытую книгу. Пролог: причина появления перед тобой, первая глава — привычки и пристрастия, вторая — скрытые мотивы, третья — истинная цель и истинное лицо. Дальше листать имеет смысл только любителям сериалов. Джина был из тех, кого прочесть невозможно. Электронный вариант документов под грифом «Совершенно секретно». Файл зашифрован и закодирован — задача не из простых даже для хакера с мировым именем. У меня не было мирового имени, хотя стаж по препарированию человеческих душ накапал приличный.

У меня была внешность, амбиции и пикантное прошлое. На этом Джина Росс — женщина-ловушка, попала сама.

Когда я увидел её впервые, мне показалось, что мы не сработаемся — несмотря на то, что именно Джина настояла на моём приёме на работу. Моя новая СЕО была резкой и жёсткой. Не только в решениях и общении, но и внешне: казалось, она вся состоит из острых углов и прямых линий. В ней не было внешней привлекательности, но было «что-то ещё», что мне на тот момент оказалось недоступно. Позднее я осознал, что именно это «что-то ещё» заставляло людей подсознательно тянуться к ней несмотря на тот барьер, который она воздвигла вокруг себя. В первый год нашего знакомства мне, как и всем прочим, показывали исключительно безупречную стену английской вежливой отстранённости — от мира в целом и от каждого в отдельности, пробиться через которую не представлялось возможным. Я не стремился стать к ней ближе, и на фоне всех, кто планировал и пытался приблизиться к Джи, оказался в выигрышном положении. Росс дважды обратила на меня внимание: первый раз — при приёме на работу, второй — когда осознала, что я не собираюсь развивать свою карьеру через её постель.

— Почему ты не хочешь уехать? — спрашивает она меня, затягиваясь и выпуская тонкую струйку дыма, которая мгновенно тает.

— Я родился в этом городе. Меня всё устраивает, — пожимаю плечами я.

— Понимаю, — произносит она, но по глазам вижу, что не понимает. Если я это вижу, значит действительно не понимает.

— Джина, — говорю я, — это сложно объяснить.

Будь на твоём месте кто угодно другой, я не стал бы говорить даже этого. Тебе я хотел бы объяснить.

Но я не стану.

— Знаю, — говорит Росс.

Молчу и тем самым соглашаюсь со всем, что было сказано ранее. Подвожу черту. Станный разговор: от начала и до конца странный. Вот что бывает, если свести в одной комнате англичанку и русского, которых четыре года связывала постель на фоне деловых отношений.

Мне потребуется время, чтобы привыкнуть к её отсутствию в моей жизни.

— Какие у тебя планы на Рождество? — интересуется Джина.

— Отдохнуть, — честно признаюсь я. Правда, в настоящий момент я ещё не представляю, насколько возможна реализация подобных планов.

— Как насчёт совместного отдыха?

— Планируешь познакомить меня с красотами Брайтона?

Я отдаю себе отчёт в том, что отвечаю вопросом на вопрос.

Удивлён ли я?

Пожалуй, нет.

Джина улыбается. Это нечто особенное — видеть улыбку на её обычно безэмоциональном, непроницаемом лице.

— Рассчитывала познакомиться тебя с красотами Швейцарии, Андрей. Красота гор этой страны не сравнится ни с чем.

Мне нравится её акцент. Но значительно больше мне нравится, как она произносит моё имя.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Понимаю. Твоя семья...

Снова это отстранённое выражение лица, и я ловлю себя на том, что раздражён.

— Нет, не понимаешь, — перебиваю я, и получается слишком резко, — Ирина и Сергей в декабре полетят в Дубай. К тебе и ко мне это не имеет никакого отношения. Всё заканчивается, когда ты поднимаешься на борт самолёта.

— Хочешь, я останусь? — спрашивает Росс.

Она не понимает потому, что не хочет понимать. Как и любой человек. Не слышит не тот, у кого плохой слух, а тот, кто не хочет знать.

Джина не хочет остановиться, за неё это сделаю я.

— Не хочу, — отвечаю коротко, — дело не в твоём отъезде. Дело во мне.

Дело в том, что мы стали слишком близки друг к другу, а мне это совершенно не нужно. Никогда не будет нужно. Ни с кем.

Какое-то время в кабинете царит тишина — такая, что я слышу едва уловимый шум кулера в приемной. Джина курит и молчит, а я возвращаюсь к работе. Новый проект я планирую контролировать лично — по крайней мере, первое время. Листаю аналитику, ни на мгновение не забывая о присутствии Росс в моём кабинете. Сколько времени проходит до того, как она решает заявить о себе, я не знаю.

— Ты жестокий человек, Андрей, — произносит она, — и умеешь делать больно.

Эта Америка для меня открыта давно.

— Если бы тебе это не нравилось, — замечаю я, — тебя бы здесь не было.

— Тебя тоже, — коротко отвечает Росс, поднимается и отходит к окну.

— Справедливо.

Разговор окончен. Этот разговор. Мне кажется, что это один из тех логичных финалов в отношениях, о которых потом приятно вспоминать. Потому что всё, что будет после — лишнее. На мой взгляд, этот разговор уже лишний.

В любом случае, у нас с ней есть ещё месяц, и я этому рад. Полагаю, она тоже.

ГЛАВА 4

Диана

Как выяснилось, за тот случай с отцовским юбилеем Никита ни на шутку на меня разозлился. Во-первых, за то, что я припёрлась в полукоматозном состоянии, а во-вторых, за то, что я заставила его отыметь меня на кухонном столе, после чего свалила в неизвестном для него направлении, не сказав ни слова. Практически на весь день.

Выяснилось это не сразу, а в течение нескольких дней, что вполне в характере Мелехова. Всё это время он негатив в себе перемалывал, культивировал и молчал. Это его стиль: довести себя на медленном огне до кипения, после чего он взрывается, и мы начинаем орать друг на друга, как пара в олдскульном итальянском кино. Потом расходимся недели на две. В этот раз я предпочла скандалу игнор его претензий, оставила Никитоса дома подумать над своим поведением и пошла прогуляться на ночь глядя.

Я бродила по улицам, полностью увлечённая мыслями об интересующем меня объекте. Незримый Шмелёв со своим парфюмом шёл за мной по пятам, прочно зафиксировав запоминающийся образ на уровне подкорки. В вечер папочкиного юбилея мой разум был далек от реальности, но я могла поклясться, что наш поцелуй продлился чуть дольше, чем если бы я целовала того, кого от меня на самом деле тошнит. А значит, этим однозначно стоило заняться. Я уже не раз думала, как мне побыстрее дотянуться до вышеозначенного Андрея Николаевича. Рисовался всего один реальный вариант: только через моего папашу, читай через мой труп.

Меня осенило, когда по улице мимо прошла парочка: накачанный мужик и блондинка в лабутенах, повисшая у него на руке. Вышло практически как с голым Архимедом в общественной бане, когда он погрузил своё брненное тело в воду за вычетом того, что на мне была одежда, и вопль «Эврика» не состоялся.

Вместо этого я вытащила мобильник и набрала номер Олега Пашковского.

— Сильно занят? — поинтересовалась я, когда он ответил на звонок.

— Для тебя свободен.

— Я буду в кофейне рядом с домом.

Он приехал через полчаса, к тому моменту я уже сделала заказ и ела кусок трехэтажного торта, запивая его томатным соком. Томатный сок — это здоровье. Кто говорит, что я себя не берегу, пусть утрётся.

— Стильно выглядишь, — сказал он, усаживаясь рядом со мной за столик.

— Я всегда так выгляжу, — отрезала я.

Что есть то есть, я и в кроссовках с толстовками умею выглядеть как звезда, и в вечерних платьях в пол. Которые, к слову сказать, ненавижу.

К тому же самому слову сказать, Олег — один из папочкиных телохранителей и особо доверенное лицо, его правая рука и левая нога. Личный помощник помимо всего прочего. Именно так мы с ним и познакомились. Ему тоже хватило сомнительного счастья извлечения Дианы из ночных и тематических клубов, и из квартир в самых разных частях города, общения с родителями моих друзей и извинений за моё плохое поведение. Трахаться мы начали после того, как я вывалилась из родительского гнезда — около года назад. В последнее время наши встречи становились всё более редкими, и от этого более значимыми — для него.

В то время, когда у нас всё только начиналось, Пашковский был в моём вкусе — высокий, накачанный, сильный. Через несколько месяцев качки вышли из моей моды, а Олег остался. Как-то так получилось. У него жена и две дочки, а я — для души. У меня для души типа Никита, а Олег — для тела.

Правда, всё это не то. Хватает на раз-два, потом опять меня бросает в крайности.

— Как дела-то? — интересуется он — чисто из вежливости, разумеется. Ему до моих дел — так же как и мне до его: от пизды до члена.

— Всё отлично, — говорю я, — а твои?

— Мои ещё лучше.

Подходит официантка, Олег заказывает какого-то невероятного размера бургер, единственный в меню, ещё какую-то хрень — я не прислушиваюсь. Жена в отъезде, не иначе. Детёныши у бабушки с дедушкой на блинчиках и кашках. Чисто семейный экстаз.

— Слушай, — ненавязчиво интересуюсь я, когда он достаёт нераспечатанную пачку сигарет в поисках чего-то в кармане, — тебе о чём-нибудь говорит фамилия Шмелёв?

Олег внимательно смотрит на меня, но я невозмутимо уплетаю торт. Тоже мне, физиономист.

Пашковский думает: судя по выражению лица, в его черепной коробке происходят сложные мыслительные процессы, замешанные на логических вычислениях и аналитике. Потом изрекает:

— Зачем тебе, Ди?

Умница, Олег. Зачем же думать, когда можно спросить?

Тем более что я скрывать ничего не собираюсь. Отпиваю сок, облизываю губы и поднимаю на него вполне однозначный взгляд.

— Надо.

Никакой конкретики, но для Олега более чем понятно: он меня видит — этого вполне достаточно. Он качает головой, широко ухмыляется.

— Зубки обломать не боишься?

Я ухмыляюсь в ответ:

— Не-а.

Он вдруг становится серьёзным. Хмурится, достаёт зажигалку, явно собираясь слинять покурить и соскочить с темы.

— Давай, рассказывай. Что за дела у них с папочкой? Что он за хрен с горы? — Я слегка подаюсь вперёд, облокотившись на стол, и нетерпеливо верчу в руках пустой стакан из-под сока. Хрупкий. Чуть сильнее сожмёшь — разлетится осколками, но и рукам мало не покажется.

— Представитель инвестора, второе лицо в компании. Директор по развитию корпоративного бизнеса, — говорит Олег.

— Вау, — выдаю я с такими фальшиво-восхищёнными интонациями, что он морщится, — мощно. Ну же, Олежек, делись дальше? То, что ты рассказываешь, и так можно в сети прочитать.

— По всей видимости, Шмелёв скоро станет генеральным управляющим филиала в нашем городе. Именно поэтому твой отец очень заинтересован в том, чтобы наладить с ним личный контакт.

— Я тоже, — прыснула я, — очень личный. Может, подкинуть папочке идею дружить семьями? И не только дружить...

Он смотрит на меня мрачно — сразу видно: юмора не оценил.

— А что с предыдущим первым лицом стало? — интересуюсь я.

— Иностранка, — пожал плечами Пашковский, — домой собралась.

Я ныряю в айфон быстрее, чем Олег успевает икнуть, через пару минут уже уже знаю все о Джине Росс. Или почти все. К тому моменту, как он возвращается, пропахший крепким сигаретным дымом, я интересуюсь:

— Они спали?

— Что? — хмурится Олег.

— Росс и Шмелев. Через постель поднялся или сам? Ты же знаешь о нем все. Или почти все.

Если мой папочка кем-то интересуется, он выяснит о нём каждую маленькую и на первый взгляд незначительную деталь, вплоть до дня рождения любимой кошки.

— Что именно ты хочешь знать?

— Что-то интересное. Пикантное. Необычное. — Заглядываю Пашковскому в глаза, как собачка Павлова на третьей стадии опытов. — Ну или я сама поищу. Только дольше получится и проблем огребу по самое не балуйся.

— Не сомневаюсь, — вздыхает он, — почему тебе спокойно не живётся?

— Хэзэ, — отвечаю я. — Может, мне просто скучно.

Мне и правда скучно жить. Временами скучно, временами никак. Вот и развлекаюсь, как придётся.

Олег смотрит на меня в упор.

— Пришлю тебе инфу. Все, что есть.

— Ты прелесть. — Облизываю ложечку от торта и смотрю ему в глаза, отвечаю прямым взглядом навывлет. — Спасибо, Олежка.

— Сучка ты, Ди, — говорит Пашковский, и в голосе его я слышу безразличие. — Используй людей и выбрасываешь на свалку, как ненужный хлам.

— Сучка, — насмешливо соглашаюсь я, — а ты меня трахаешь. В итоге ты у нас кто?

— Была б ты парнем, я бы тебе врезал.

— Не сомневаюсь, — трогаю его бицепс, ухмыляюсь.

— И воспитанием твоим не помешает заняться.

— О да, — улыбаюсь еще шире. — Можем заняться моим воспитанием прямо сейчас.

После того, как наш типа ужин заканчивается, Олег звонит риэлтору, занимающемуся посуточной арендой. Спустя полчаса у нас на руках уже ключи, а мы сами в квартире. Сегодня секс с Олегом — это спланированный акт мести Никитосу. Нефиг было характер показывать, меня с этого бомбит люто. Мы с Пашковским никогда не осторожничаем: он любит АС, и растрханной задницей дело не ограничивается. На бёдрах остаются синяки от его пальцев, ходить потом пару часов вообще затруднительно, но оно того стоит. На время секса.

После я валяюсь на кровати, разглядывая потолок и прислушиваясь к шуму воды, доносящемуся из ванной. Мне настолько наплевать на всё, что будет дальше, что становится тошно. Мерзкое состояние, от которого никуда не сбежишь. Я знаю, что в ближайшей перспективе предстоящее развлечение: этот огнеупорный красавчик Шмелёв, но сейчас даже это не радует. Что из этого может получиться? Секс на один-два раза, после чего он мне надоест и перейдёт в разряд «было-было-заебал». Хотя сам процесс и результат — поиметь такого, как мой папочка, может оказаться достаточно увлекательным.

Олег выходит из ванной, даже не потрудившись обернуть бёдра полотенцем. Он от себя прётся — считает, есть на что посмотреть. Вообще-то есть. Но иногда насмотришься на все достоинства по самое не хочу — блевать тянет.

— Ты домой не собираешься что ли? — спрашивает он насмешливо, потом обводит взглядом комнату. — Вали в душ давай.

— А поцеловать, — вытягиваю губы трубочкой.

Пашковский вопросительно смотрит на меня.

— Как в том анекдоте, — поясняю снисходительно, как препод лузеру, не успевшему списать на экзамене.

— В каком?

— На ферме идет искусственное осеменение коров. Ветеринар закончил, садится в тачку, но проехать не может. Коровы его окружили, мычат. Тогда он открывает окно и орет: «Пошли нахуй отсюда!» — А одна из коров делает большие грустные глаза и говорит: «А поцеловать?»

Олег качает головой, после чего удаляется в направлении коридора, а я кричу ему вслед:

— Оставь мне ключи, я здесь переночую!

Нет ни малейшего желания возвращаться домой на разборки с Мелеховым. Лучше перенести это на завтра — по крайней мере, завтра мы не пошлём друг друга совсем, если он начнёт выступать. Сегодня мы к этому были близки как никогда: не представляю, что будет со мной, если Никитос свалит. Правда, что будет с ним, если он останется, я тоже не знаю.

Диана

В приемную Шмелёва я позвонила на следующий же день, представилась папочкиным секретарем и поинтересовалась, когда у Шмелёва есть свободное окно для встречи. По голосу мне не показалось, что я разговариваю с современной секретаршей, стёршей немало пиджаков и рубашек на офисном столе. Скорее, сразу представилась лучшая версия нашей Пуговицы — такая себе Золушка двадцать первого века. Лучшая в плане внешности — по крайней мере, я искренне надеялась на то, что у Шмелёва хороший вкус.

Теперь для реализации моего гениального по своей простоте плана оставалось только ждать. Единственное, что омрачало радость от предстоящего — так это то самое ожидание и разговор с Никитосом. Я вчера перебесилась и искренне надеялась, что он тоже. Хотя последнее далеко не факт. Вполне возможно, что я приду к тому же, от чего ушла, а это не есть гуд.

Есть такая штука: одиночество, так вот, когда знаешь, что тебе есть к кому возвращаться — уже как-то приятнее. Разумеется, это иллюзия — и ничего больше, но с этой иллюзией можно прожить какое-то время вдвоём. Пока тому, кто её поддерживает, совсем хреново не станет.

Я не скажу, что сильно расстроюсь, оставшись в гордом одиночестве, но знаю наверняка: если он уйдёт мне станет совсем чуточку — паршивее.

Как я и предполагала, вернулась я значительно позже него. Для меня полночь — время детское. Мелехов сидел на кухне, ждал меня и выглядел абсолютно спокойным. Впрочем, его внешнее спокойствие — плохой признак. Если бы он встретил меня у дверей и сходу начал орать, было бы проще.

— Привет, — сказала я, как ни в чём не бывало, искренне и от всей души надеясь, что пронесёт.

Не пронесло.

— Как обычно? — поинтересовался мой бойфренд, и в голосе его я уловила очень нехорошие нотки.

— Убейся об стену, — посоветовала я и пошла в спальню, чтобы раздеться.

Что за идиотская привычка? Он же прекрасно знает, что в наших отношениях ничего не изменится, равно как и то, что для него это ничего не меняет. Какого хрена всё портить?

Я трахалась, трахаюсь и буду трахаться на стороне — столько, сколько мне надо и тогда, когда мне надо. Я пью, курю, иногда балуюсь травкой. Я посещаю тематические клубы и делаю то, что мне нравится, несмотря на то, как к этому относится он. Но это ровным счётом ничего не значит. Потому что возвращаюсь я всегда к нему.

В гостиную я первым делом направилась к бару и соорудила себе коктейль «Трахни мозг» собственного изобретения. Иными словами, влила туда всё самое крепкое, что только имелось в наличии. Потом вспомнила, что лёд в холодильнике, холодильник на кухне, а ещё на кухне Никитос. Выругавшись, я направилась туда, по ходу действия врубая музыкальный канал на полную громкость. Пусть лучше соседи слушают Моргенштерна, чем наш мат и грохот ломающейся мебели, когда мы выясняем отношения.

Всё прошло почти хорошо. Я успела бросить лёд в бокал и уже направлялась обратно в гостиную, но по дороге не удержалась от ехидного:

— Бросай меланхолию, Принцесса, пойдём трахаться.

— Блядь, — сказал Никита, даже не оборачиваясь.

Это было брошено не в пустоту, а именно в мой адрес. В тот момент он мыл посуду: ему повезло, что я держала в руках бокал и пару секунд искала место, куда бы его пристроить, чтобы коктейль уцелел. За это время мой бойфренд успел поставить тарелку на полку. Потому что в следующий момент я развернула его лицом к себе и от души вмазала ему по физиономии. Не бабской истеричной пощечиной, а по-мужски, кулаком в лицо.

В глазах у него мелькнуло какое-то совсем бешеное выражение — перед тем, как он схватил меня за плечи и швырнул к стене. Я ударилась головой, и перед глазами запорхали разноцветные Никитосики.

— С-с-сука, — процедила я на выдохе. Больно было так, что на мгновение перехватило дыхание, а сфокусировать взгляд в ближайшие полминуты и размазать по его смазливой физиономии его же праведную ярость не представлялось возможным в принципе. Но так хотелось...

— Я сука?! — прошипел он, шагая ко мне, хватая за волосы и резко запрокидывая голову так, что у меня перед глазами под светомузыку аффекта заплескали искры всех цветов и размеров. — Ничего не путаешь?! Кто у нас любитель раздвигать ноги передо всеми?

Прежде чем я успеваю сказать что-то в ответ, меня резко разворачивают мордой в стену — и на этом у меня начинается истерический ржач. Я хохочу так, что у меня сводит судорогой живот и срывается дыхание — на сей раз уже от смеха.

— Сука, — слышу я за спиной Никиткин голос, и могу поклясться, что в нём помимо ярости присутствует ещё и страх. Причём по процентному соотношению первое явно проигрывает второму. Ещё бы — до него понемногу начинает доходить, что он только что почти сделал. От этого мне становится ещё веселее.

— Да-а-а-а! — слова с трудом прорываются сквозь смех, — да, да, да-а-а, называй меня своей сучкой!

Судя по тому, с каким выражением лица он смотрел на меня, когда я развернулась, я была права на все сто процентов, исключая всевозможные погрешности. Хорошо хоть не стал помогать от стены отлепиться — за это я бы его убила на месте.

Откуда только такие, как он, в наше время берутся, а?..

Я не стала разубеждать его в том, что ему стоит сделать себе харакири по поводу всего произошедшего, с удовлетворённой ухмылкой отметив нехилый кровоподтёк у него на скуле. Пусть помучается — может, в следующий раз ему не захочется себя грузить тем, что я есть на самом деле и как с этим бороться. Спасение плохих девочек дело рук самих плохих девочек, а не хороших мальчиков — в этом я свято уверена. Если, конечно, для меня есть что-то святое в этом мире.

Я валялась на диване, смотрела какую-то мозговывносящую муть и пила коктейльчик. Третий — по тому же самому рецепту. Если второй ещё напрягал своей неохлаждённой, то третий прекрасно пошёл и безо льда. По мере того, как мне хорошело, из головы испарялись все мысли кроме вполне определённых. Какого хрена Мелехов страдает высокой моралью там, на кухне, когда должен наслаждаться её отсутствием на мне?!

Напомнив себе о том, что я оставила его там мучиться в назидание, я потащила в душ, искренне надеясь на то, что когда выйду из него, Никитка уже будет готов. Смотрю в зеркало, разглядывая синяки на плечах, и мысленно вспоминаю своего бойфренда последними словами. Потом перехожу от ругательств в пустоту к водным процедурам.

На периферии сознания снова возникает образ Шмелёва: настолько реальный, насколько это возможно в принципе. Я стою в душевой кабине, подставляя лицо упругим струям горячей воды и представляю, что мы могли бы делать здесь вдвоём.

Ну вот какого хуя у него такая запоминающая внешность?!

Рука автоматически скользит между ног — впрочем, сейчас мне особо и помогать себе не приходится — я уже все мокрая. Мне хватает всего пары минут под затягивающим взглядом тёмно-синих глаз гребаного брюнета с голливудской внешностью — это кажется почти реальным. Когда я представляю, как он резко разворачивает меня лицом к стене и берёт — без предупреждения, без подготовки, проникая на всю длину резкими, глубокими толчками, и как я ору от боли и от наслаждения, от этого ощущения его во мне, низ живота сводит сладкими судорогами. Содрогаюсь, я бессильно цепляюсь пальцами за стену и сползаю на пол душевой кабины. Через несколько минут блаженной прострации ловлю себя на мысли, что фига с два я буду ждать назначенного дня встречи. Импровизация — это наше все. Завтра же поеду к нему в офис.

Выходя из душевой кабины, я едва держусь на ногах — во-первых, коктейль оправдывает ожидаемый эффект, во-вторых, такого оргазма я не ловила уже давно. И это только при ментальном, так сказать, участии Шмелёва. Что же в реальности-то будет?

Усмехаясь, я заворачиваюсь в полотенце, выползаю в спальню, где падаю на кровать поверх покрывала и закрываю глаза. Я чётко знаю, что мне надо разобрать постель, лечь под одеяло, но меня так выносит и настолько хорошо — в этом нереальном мире, что шевелиться нет ни малейшего желания.

Слышу шаги — в спальне нарисовался Никитка. Именно он делает всё то, что мне так лень — осторожно стягивает покрывало с одной стороны кровати, укладывая меня в постель и закутывая в одеяло.

Я приоткрываю один глаз и гордо заявляю:

— А я не сплю!

Мне кажется, что даже в темноте я вижу, как он краснеет.

— Думал, что так просто отделаешься, да?! — с трудом удерживаюсь от смеха.

— Пошла ты, — он поворачивается, чтобы уйти, но я успеваю схватить его за руку.

— Может, хватит уже?

Никита на мгновение замирает, и этих мгновений нерешительности ему хватает для того, чтобы понять, что эта битва им давно уже проиграна.

— Иди сюда, — я тяну его на себя, обнимаю, прижимая к себе и впитывая каждой клеточкой прикосновение ткани его рубашки к моему обнажённому телу. Кинестетик во мне цветёт буйным цветом — я из тех, кто возбуждается даже на щётку для чистки обуви, если её правильно применить. Сквозь тонкую рубашку впитываю его тепло, гладкий хлопок легко скользит по моим напряжённым соскам, и я выгибаюсь всем телом.

Никита слегка отстраняется и смотрит на меня так, будто он приговорённый, за которым осталось последнее слово.

— Прости меня...

Я перебиваю его до того, как он произнесёт моё имя.

— Заткнись и трахни меня.

После нашего с Олегом экстрима, состоявшегося прошлой ночью, ощущения могли бы быть не из приятных, но, учитывая тот факт, что Никитка знает меня как скрипач свою скрипку, я вспоминаю об этом уже после того, как меня тащат в душ на руках.

Позже, когда мы вместе засыпаем после ещё одного раунда в ванной, он обнимает меня и прижимает к себе. Как будто чувствует, что сейчас один из тех редких моментов, когда мне это жизненно необходимо.

ГЛАВА 5

Диана

Секретарь Шмелёва поднимает голову, когда я захожу в приёмную. Выдерживаю паузу — ровно настолько, чтобы поздороваться с ней в унисон. Один из классических приёмов, обычно работает безотказно.

После произнесённого хором «Добрый день!» мы одновременно улыбнулись друг другу. Всё шло по классической схеме.

Олеся симпатичная — более чем, но без перехода в классическую секретаршу-подстилку, как я и предполагала. Никакой наигранной манерности, ухоженное личико, минимум косметики, тонкие черты лица, шатенка — сразу видно, что цвет волос натуральный, глаза миндалевидные, тёмные. Предполагаю, что когда она встанет, окажется чуть выше среднего роста, с хорошей фигуркой, юбка будет чуть ниже колен, а каблук не выше пяти сантиметров. По глазам читается: не стерва. Тем интереснее.

Самое главное, чтобы она оказалась человеком, который может пригодиться. А нужен мне сейчас тот, кто может дать стартовую информацию о Шмелёве.

— Астахова Диана Дмитриевна, — представляюсь я, — а вы, наверное, Олеся?

Она тут же меняется в лице: сразу видно, эмоций скрывать не научилась. Потому что ждала не меня, а моего папочку лично.

— У вашего отца встреча с Андреем Николаевичем...

Сколько ей лет? Двадцать? Двадцать один? Моя ровесница? Из семьи, где хватает исключительно на хлеб с сыроу из Магнитоу, явно. Вот, подрабатывает, семье старается помочь.

Не суетись, девочка.

До обеда четыре с половиной минуты: расслабься и получай удовольствие.

— Именно поэтому я здесь. У моего отца случился форс-мажор прямо перед выездом к вам. — Ради такого я даже напялила деловой костюм, хотя чувствую себя в нем, как корова с седлом. Отстой.— Поскольку я работаю с ним, он попросил меня приехать и передать эти документы Андрею Николаевичу. Лично в руки.

Показываю запечатанный конверт, набитый черновиками со всякой хренью. Мой стол по жизни завален бумагами формата А4 — и только в редком случае это что-то пристойное вроде написанного на заказ курсовика. Надо же было создать видимость документов. С одной стороны, вариант с документами и форс-мажором ну такое себе, с другой — для нее покатит.

Она открывает было свой прелестный ротик, но я снова перехватываю инициативу.

— Встреча назначена не мне, но, — я делаю акцент на слове «но», — я думаю, что Андрей Николаевич меня примет и уделит мне пару минут. Если он не занят, разумеется. Узнаете?

Я очаровательно улыбаюсь ей, и секретарша тут же снимает трубку.

На самом деле я уверена, что примет — как минимум, из любопытства, на это и расчет. Я бы многое отдала за то, чтобы посмотреть на его физиономию в тот момент, когда Олеся произносит слова о том, что к нему пришла Астахова Диана Дмитриевна вместо отца.

Девушка кладёт трубку и смотрит на меня. Удивлённо, как будто не понимает, что происходит.

Я смотрю на неё, и только после того, как она произносит:

— Простите, но Андрей Николаевич вас принять не готов. Я позвоню секретарю вашего отца, мы можем перенести встречу, а документы можете оставить мне. Я передам их в том же самом виде, — ловлю себя на том, что у меня отвисает челюсть. Судя по тому, каким взглядом Олеся меня дырявит, за выражение моего лица в тот момент можно было брать бабки.

Что самое паршивое в элементе неожиданности — так это то, что пока с ним справишься, инициатива уже в руках у оппонента. Ладно, хрен с ним.

Как бы там ни было, я уже сделала шаг, и пятиться назад не собиралась. Наплевать, что готовилась я совершенно к другому.

Я сделала вид, что кладу документы на стойку, и, когда Олеся расслабилась, с напором с недельку помиравшего от жажды носорога ломанулась на водопой, то есть в кабинет. Олеся ойкнула, но я уже рванула дверь на себя. Вместо исходного положения на ресепшене, конверт с хламом занял положение на уровне моей груди: я прикрылась им как щитом.

— Андрей Николаевич, простите... — доносится из-за спины.

— Ничего. Иди на обед, Олеся.

Он даже не оборачивается, хотя сейчас стоит у окна и смотрит в него. Сцепив руки за спиной, в позе превосходящего всех Вселенского лидера. Ну о-ч-чень похоже на отца, что вкупе с его попыткой выставить меня из офиса взрывается в голове искрами ярости.

За моей спиной закрывается дверь. Тихо-тихо, легкий щелчок замка отрезает нас ото всех остальных.

У Шмелёва просторный кабинет, обставленный качественной офисной мебелью — но — без излишеств. Я уловила это краем глаза, и где-то в подсознании прочно засела мысль о том, что этот парень во всём знает меру. Секретарь без излишеств, рабочий кабинет — без излишеств. Это единственное, что я успела отметить про себя до того, как он повернулся, и наши взгляды встретились. С какой-то радости у меня опять закружилась голова. При всём при том, что я была абсолютно трезвой.

— Здравствуйте, Диана Дмитриевна.

Мне только показалось, или в его голосе звучала явная издёвка?!

Он смотрел на меня совершенно спокойно, и по его глазам я не могла прочесть ни его отношения к моему визиту, ни его отношения ко мне: ничего. Стопроцентный барьер, уверенность в себе и... и чем больше я смотрела на него, тем больше понимала, что столкнулась с мужиком, невероятно напоминающим моего отца в плане умения опустить меня по полной программе и оставить за собой первый ход и последнее слово.

Разве что Шмелёв был моложе. Привлекательнее. И его я хотела.

Да мать твою, что со мной!

Я улыбнулась и шагнула к нему. Хочет сохранить неповторимый колорит нашей с ним первой встречи? Да запросто.

— Привет, Андрей.

Он не изменился в лице и на мгновение я засомневалась — а он вообще пробовал эмоции проявлять когда-либо? В руках я всё ещё сжимала этот клятый конверт с якобы документами, и мне вдруг показалось, что я прячусь за этой кипой никому не нужных бумаг. Защитный барьер — с точки зрения психологии.

В жизни ни от кого не пряталась, так какого...

Со мной творилась какая-то херня, и мне это совершенно не нравилось.

— Расскажите, зачем вы здесь? — Шмелев подошел к столу и опустился в кресло, сесть мне так и не предложил. — Потому как я теряюсь в догадках.

Снова сарказм, но от этого его голос менее сексуальным не становился. Вот теперь я разозлилась по-настоящему: на него, за то что провоцировал меня на подобное поведение, на себя — за то, что в его присутствии веду себя как последняя лохушка.

Цель визита? Сейчас я тебе назову цель визита. Ещё как назову.

Я демонстративно швырнула конверт ему на стол, перегнулась через бумаги, отодвигая в сторону его ноутбук, и поцеловала в губы. На этом моё сознание повело, как будто пол ушёл из-под ног, а вместо его кабинета мы оказались вдвоём вне пространства и времени. Такое уже где-то было, да?..

Кажется, уже одно его присутствие действовало на меня похлеще травы с алкоголем вместе взятых. Он не стал меня отталкивать, но на этот раз я не уловила даже малейшего замешательства с его стороны — Шмелёв просто отвечал на мой поцелуй, не предпринимая ни малейшей попытки ни остановить меня, ни перевести это в нечто большее.

Бля, о чём я всё-таки думаю, а?! Секса в кабинете у меня еще не было, и... всё закончилось столь же внезапно, как и в прошлый раз. Просто вместо его губ мои губы поймали холодный воздух, и, благодаря этому, я чуть не растянулась прямо поперёк его стола. Шмелёв откинулся на спинку кресла и под его взглядом я снова почувствовала себя ну очень некомфортно, гораздо более некомфортно, чем в тот самый первый раз на крыльце ресторана. Может, мой папочка давал ему тайные уроки?

— Мы друг друга поняли? — спокойно поинтересовался он. Если бы плюнул в рожу — наверное, я бы лучше себя почувствовала. Потому что такой душой не ощущала себя давно.

Он наклонил голову, и мне на мгновение показалось, что в этом кресле сидит Астахов Дмитрий Семёнович собственной персоной, сделавший пластическую операцию. Следующие его слова укрепили мою уверенность в том, что этого человека я буду ненавидеть ничуть не меньше, чем отца.

— Вы потрудились приехать ко мне в офис, Диана Дмитриевна, — в голосе его звучало абсолютное равнодушие, даже сарказм вышел из чата, — и мне потребовалась всего пара минут, чтобы узнать всё, что мне интересно. Я надеюсь, что вы тоже в должной мере удовлетворили своё любопытство, потому что на вас у меня времени больше нет.

На вас. Времени больше нет. Две минуты?!

— Любопытство?! — процедила я. — Не льстите себе, я просто хотела проверить, какого хрена меня на вас потянуло.

— Не забудьте свои ценные бумаги, — произнёс он мне в спину, а я испытывала такое безумное желание врезать по этой непроницаемой, самоуверенной, но этого не менее красивой физиономии, что руки сводило.

— Оставьте себя на память, — выплюнула я, вылетая из его кабинета.

Самоуверенный ублюдок. Мудак хренов. Да что он вообще о себе возомнил?!

— Ди, ты ебнутая! — выдала Ники, когда я вдавила педаль в пол, выворачивая на скоростную полосу шоссе под истеричные сигналы.

— Сама ты ебнутая, — огрызнулась я.

— Обязательно было так делать?!

— По той полосе мы бы еще два года ехали.

Я бы могла сказать иначе, но у Ники психологическая травма. Она попала в аварию в детстве, провалялась в реанимации хер его знает сколько, чудом выжила, ей заново собирали нос и руку... в общем, наверное, меня должна мучить совесть. Если бы она у меня была.

— Прости, — буркнула я.

— Охренеть. Ты головой ударилась?

— С чего бы?

— Ди Астахова никогда не извиняется.

Я бросила на нее скептический взгляд, но продолжить разговор мы не успели. Прямо мне под колеса бросился какой-то дебил на «Лада-Гранте», из соседней полосы. Можно сказать, карму проверил. Я успела ударить по тормозам, сзади меня тоже оказались проворные. В общем, никто никого не поцеловал в жопу только благодаря счастливой случайности. Зато дебил среднестатистического уровня потрепанности жизнью выскочил из своего таза на колесах и устремился ко мне:

— Ты чего творишь, овца?! Думаешь, тебе все позволено?! Открой дверь! Дверь открой, я сказал! Насосала — так думаешь, все прокатит?!

Ники закрыла лицо руками.

А я открыла дверь. Ну он же просил — я открыла, прямо ему в грудь и живот, со всей дури. Силу удара мне тренировал Олег и еще несколько знакомых, так что свалился он прямо к моим ногам на проезжую часть. Из соседних машин уже начали выскакивать люди.

— Я твой номер запишу! У меня связи в полиции! — захрипело это говорящее чмо.

Для закрепления воспитательных работ я пнула его по яйцам и сказала:

— Надеюсь, и в травме тоже. Еще раз ко мне сунешься — сосать будешь сам. Долго, старательно и по кругу. Въехал?!

Дверью «Порше-Кайен» я снова шандарахнула так, что Ники только головой покачала.

— Ты чего сегодня такая нервная?

— Я нормальная.

— Нормальная она, ага. Тебе уже штрафа четыре придет, как минимум.

— Не мне, а папочке, эта тачка конечно моя, но типа его. И квартира его. Я вообще живу на свете по доверенности.

Мы проехали кольцо, только тогда она снова сказала:

— Опять терки с отцом? Настолько?

Да если бы.

Проклятый Шмелёв, чтоб его импотенцией накрыло до конца жизни!

— Нет. Просто не в настроении.

— А. Ага. Угу. Понятно.

— Что тебе вообще понятно? — разозлилась я. Как будто Ники была виновата в том, что Шмелёв — мудака, а я не могу выкинуть его из головы.

— Просто зная тебя, я вижу две причины твоего состояния. Первая — отец, — Ники загнула свой тонкий наманикюренный пальчик. Она предпочитала нюд и никогда не носила экстра длинные ногти. Вот и сейчас у нее на ногтях был цвет, который я обычно называла «бежевый никакой». Но ей шло. Ей вообще шла вся нежнятина, как продолжение образа. — Вторая — Никитос. Но обычно это ты его вгоняешь в такое состояние, а не он тебя.

— Ха-ха, очень смешно.

Но Ники была права. Это Никита выпадал из-за меня в нерастворимый осадок, а теперь вот... Про третью причину не знал никто, и говорить о нем я не собиралась. В принципе. Даже лучшей подруге.

— Проехали.

— Проехали так проехали. Ты только, пожалуйста, не переедь кого-нибудь, пока мы до дома добираемся.

Я чуть ли не зарычала, как папашины любимые доберманы. Натасканные на то, чтобы драть в клочья всех неугодных. Но Ники же своими словами, сама того не зная, подкинула мне идею. В таком состоянии мне домой нельзя. Даже пока я ее отвезу, она живет с отцом в коттеджном поселке, вряд ли меня отпустит. А отпустит меня, только если...

— Хочешь со мной в клуб? — спросила я.

— В тот самый?

— В этот который.

Ники хмыкнула.

— А почему бы и нет. Только заскочим домой. Я переоденусь.

— Да мне бы тоже надо. Я, как видишь, слишком официально для такого одета.

— Слишком одета, — фыркнула Ромашка. — Я еще в универе заметила.

Я усмехнулась. Ники давно просила меня сводить ее туда — ради интереса, но... все было не так просто.

— Я сейчас наберу Роба. Скажу, что приду сегодня. Но тебе придется пройти собеседование, учти.

— Господи. — Ники снова закрыла лицо руками. — А красная комната там есть?

— Есть даже зеленая. И постер Кристиана Грея.

— Лучше бы Дориана. — В постер Кристиана Ники явно не верит, и правильно. В БДСМ тусовке эту историю вообще не особо жалуют. Считают сопливой хренью.

— Дориан там есть свой собственный. Псевдоним. Вдохновлялся известным всем персонажем.

Подруга закатила глаза, а я уже смахнула вверх и нажала быстрый звонок.

— Роб, привет. Это я. Сегодня загляну в клуб, ты будешь?

— Буду, — коротко отвечает он.

— Я возьму с собой Ники? Помнишь, я тебе о ней рассказывала? У нее пока будет просто гостевой.

— Ты знаешь правила, Диана.

Когда он так со мной говорит, у меня по коже бегут мурашки от предвкушения. Рядом с Робом я готова быть девочкой, стоящей на коленях, только рядом с ним. Представить меня на коленях, наверное, можно исключительно в горячечном бреде, но и такое бывает.

— Да, я сброшу тебе все данные, она готова на собеседование в любое время.

— Хорошо.

Он отключается раньше, чем я успеваю сказать «ик». По правде говоря, Роб единственный, кому позволено так со мной себя вести. Ключевое слово — позволено, но это правила игры, и я их приняла.

Шмелёву я ничего такого не позволяла, в том числе смотреть на меня как на дерьмо.

Да мать твою!

Мы приезжаем к Ники к пяти. Она собеседуется, потом мы перекусываем сэндвичами, которые сделала их домработница, переодеваемся, делаем макияж, спускаемся — и-и-и-и возвращается ее отец, Савицкий Леонид Ефремович. Я его так и называю: Леонид Ефремович, подчеркнуто-почтительно (в уме держим издевательски), но он меня терпеть не может. Считает, что я на Ники плохо влияю. Как-то он даже не постеснялся мне об этом сказать, видимо, чтобы его мнение было зафиксировано для отчетности в моем маленьком убогом мозгу (я вижу эту характеристику в его глазах).

Если честно, мне пох.

И на его мнение, и на его характеристики.

— Никита, куда ты собралась?

Полное имя Ники — Никита, ее мама была поклонницей сериала про самую известную девушку-киллера. Ники свое имя ненавидит, а мне кажется, это прикольно.

— А можно я не буду отчитываться перед тобой за каждый свой шаг?

— Можно. Когда ты не с Дианой Астаховой.

Он тоже в летах, как мой папочка, но если мой выглядит как дворовой питбуль — подтянутый, цепкий, отец Ники слегка полноват и напоминает ньюфа-спасателя в отставке. Мое мнение: внешность обманчива. Прислонившись к стене, я складываю руки на груди, мне кажется, ожидается интересное представление.

— Диана моя подруга, и ты прекрасно это знаешь.

— А ты прекрасно знаешь мое мнение о твоей подруге.

— Папа! — рычит Ники.

Я все еще стою, рассматриваю его. Под конец он не выдерживает и переводит взгляд на меня.

— Если с моей дочерью что-нибудь случится по твоей милости...

— Я уже написала завещание, — отвечаю я и выхожу на крыльцо.

Пусть они дальше там без меня разбираются, а я пока покурю.

Коттеджный поселок в сентябре — красота. У нас тоже есть загородный дом, но эти места мне нравятся больше. Не только тем, что там нет мачехи и сводной кровинушки, но и живописными дорогами, запертыми в багряно-охровых коридорах. Скоро эти коридоры станут лысыми, а потом — белыми. Не говоря уже о горах, которые становятся видно, если проехать чуть подальше.

Терпкий аромат сигарет взрезает свежий воздух, как повышенный голос Ники, доносящийся из дома. Иногда мне кажется, что я могла бы жить вот так, в таком вот месте, с каким-нибудь нормальным мужиком, но дым развеивается, и я понимаю, что нет. Не могла бы. А глюки ловить еще рано.

— Поехали! — зло рычит Ники, вылетая из дома и хлопая дверью.

Судя по всему, разговор с отцом не удался.

Мы приезжаем в клуб аккурат к открытию, и Ники на выходе выдают гостевой браслет. Это для новичков, впервые переступивших порог. Телефоны мы сдаем сразу, таковы единые правила для всех, сам Роб их устанавливал. Мы проходим в основной зал, и тут на Ники нападает ступор. Это нормально, здесь либо ступор, либо истерический ржач, и я рада, что у нее первое.

— Охренеть, — выдает она.

Для той, кто ни разу не видел Андреевский крест вживую, не слышал свист плети, рассекающей кожу, не видел сидящих у ног мужчин женщин в ошейниках, а у ног женщин — мужиков с зажимами на сосках и законсервированными в пояс верности членами, она отлично держится. Мы живем в таком веке, когда всем нам доступно все и сразу, но одно дело — фото, видео и влажные фантазии, совсем другое — реальность.

Клуб Роба — тоже элитный, сюда просто так не попасть. Здесь все очень на богатом, контингент соответствующий, так что за нее я не беспокоюсь. В отличие от отца.

— Э-э-э... и что мне тут делать? — спрашивает Ники. — Когда ты... ну... э...

Вообще-то она за словом в карман не лезет, но сейчас, видимо, слова у нее кончились.

— Наслаждайся. Наблюдай. Тебе понравится.

У меня в крови уже бурлит адреналин, и будь я проклята, если мне это не поможет забыть гребаного Шмелёва.

Пока я думаю про Шмелёва, на горизонте рисуется Роб. В нем под два метра роста, темноволосый, со стильной бородкой, в черной рубашке, жилете и брюках, в отполированных ботинках, он медленно идет к нам, и на него смотрят все. Все без преувеличения.

— Ты ебнутая, Ди, — снова выдает Ники. Но я вижу, что у нее тоже отвисла челюсть.

Нормальная реакция на того, кто вот-вот подойдет к нам.

— Ты сегодня это уже говорила.

Я знаю, что я ебнутая, но когда Роб приближается и командует:

— На колени, — весь остальной мир перестает для меня существовать.

И пустота отступает. Заполняясь бурлящим в крови адреналином и его почти что нежным прикосновением, когда на моей шее защелкивается ошейник.

ГЛАВА 6

Ники

Ди ненормальная, я всегда это знала. Наверное, вот эта вот ненормальность меня в ней и привлекла изначально. Потом мы обе сошлись на ненависти к отцам. Хотя моя, конечно — это десятая доля ее. То, что происходит у нас в семье, не сравнить с тем, что происходит в ее, но я туда не лезу. Так же, как и она не лезет ко мне. Я ее очень люблю и ценю в том числе и за это, потому что спасателей в моей жизни было воз и маленькая тележка. Спасателей, психологов, желающих меня полечить — в прямом и переносном смысле, и только Ди никогда не наседала со своим желанием помочь или расспросами. Она четко знает, когда можно, когда нельзя, ее все считают девочкой без тормозов, но у нее с тормозами как раз все отлично.

По крайней мере, когда дело касается личных границ. И да, в моей жизни определенно было слишком много психологов. В том числе доморощенных.

Доморощенные бы сейчас распинались о том, что происходящее в этом клубе — это компенсация, рассказывали про травмы, так называемые профессионалы переводили бы все стрелки на меня (что ты сама об этом думаешь, Никита? О чем это для тебя?) — а я... я просто смотрю на все это, как на красивое представление.

У нас в городе нет крутых стилизованных вечеринок на грани, не то что в Москве. Или в Питере. По крайней мере, до этого дня я считала именно так, но оказавшись там, куда Ди пыталась затащить меня уже почти год, поняла, как сильно я ошибалась. Когда рождаешься с золотой ложкой во рту (или, как любит говорить Марат, с золотым шилом в жопе), невольно привыкаешь к высокому уровню. Ты его просто видишь. Замечаешь в деталях, так же, как замечаешь и показное, так вот: здесь все было настоящее. На уровне.

И почему-то, когда Ди опустилась на колени перед этим мужчиной, я испытала странное желание свести бедра. Между ног стало горячо, а перед глазами невольно вспыхнула картина, что это я так стою перед ним. Что это меня касаются его пальцы, скользят по шее, грубо сжимают подбородок.

— Добрый вечер, — произнес он, а меня всю перетряхнуло.

Диана так и стояла перед ним, он словно о ней забыл, и у меня от этого в голове творилось просто что-то невероятное. Просто Ди — не из тех, кто такое прощает в принципе. Но сейчас...

— Добрый вечер.

— Диана объяснила вам правила, я надеюсь? — уточнил он.

— Нет. Я забыла, — вот это уже больше похоже на Ди.

Дерзость во взгляде, вызов, она нарывается.

Вот только почему наывается она, а горячо становится мне? Роб не поддается на провокации.

— Хорошо, в таком случае объясню я, — у него голос, как это говорят на английском husky, с такой глубокой, мужской хрипотцой, обманчиво-спокойный, — вы можете расположиться, где вам удобно, Ники.

Я попросила его называть меня так еще на первичном собеседовании, и он ни разу этим не пренебрег.

— К вашим услугам все сценические номера, бар, вы можете знакомиться с другими гостями, но сессии новичкам запрещены. Доступ к ним вы получите только если решите остаться после сегодняшнего вечера. После нашего повторного собеседования.

На котором вы тоже поставите меня на колени?

К счастью, у меня хватает мозгов не сказать это вслух.

Ди морщится от пощечины, хотя я бы даже пощечиной это не назвала. Так, легкий униительный хлопок, больше по губам.

— За то, что заговорила без разрешения, — комментирует Роб. — Вставай. Пошли.

Я наблюдаю за тем, как они идут по клубу, и на них глазаю. Если честно, я понимаю, такая пара не может не привлекать внимания, меня же царапает странным чувством: р — ревность? Бред. Быть такого не может! Я не западаю на мужчин с первого взгляда, особенно на таких. Мне нравятся мои ровесники или старшекурсники, а Роб, по меньшей мере, вдвое старше. Тем не менее именно его я сразу заметила, когда мы вошли. Кажется, даже Ди его не сразу увидела, а я увидела. Выхватила из толпы взглядом, издаleка. Он беседовал с какими-то мужчинами, а я залипла. Мне кажется, Ди подумала, что это из-за общей атмосферы.

Вот и хорошо. Пусть дальше так думает. Потому что все это не для меня. Я здесь больше за компанию, ну а то, что мне понравился красивый мужик — так это в порядке вещей. Подумаешь.

«Он тебе еще во время собеседования понравился», — ехидно подсказывает внутренний голос.

Я отмахиваюсь от него, иду к бару. На меня тоже смотрят, я чувствую мужские взгляды, но мне к этому не привыкать. Меня как раз любят мужчины постарше. Для ровесников я слишком сладенькая, а еще у меня грудь нулевого размера. Ну ладно, наверное, первого, но мне это жить не мешает. Например, я могу носить любые наряды без белья.

Как-то так мы с Маратом и познакомились, но сейчас думать об этом не хочется. Сейчас хочется...

— Позвольте вас угостить, — произносит мужчина.

Ему, наверное, столько же, сколько отцу. Он лысеющий, но довольно подтянутый, а еще не сводит глаз с моих ног. Ди меня столько просвещала по этому поводу, что я прекрасно понимаю, с кем имею дело. Футфетишист. И, скорее всего, нижний.

— Нет, спасибо, — отказываюсь вежливо. Мне не хочется сейчас ни с кем разговаривать. «Ни с кем, кроме Роба».

А денег у меня всегда достаточно: отец позаботился о том, чтобы я ни в чем не нуждалась. На сцену тем временем выходят трое — роскошная женщина в латексе, с алой помадой на чувственных губах, она ведет на поводке двух мужчин. Я украдкой зеваю в ладонь и отворачиваюсь. Нет, все это определенно не мое.

Пока бармен готовит коктейль, я скучаю по смартфону. Ну правда, что я тут забыла? Надо было соглашаться на приглашение Марата покататься с ним по городу. И не только покататься, но это детали.

Ко мне подходят знакомиться, но я всех отшиваю. Не знаю, что на меня нашло, обычно я более общительная, но сейчас моя внешность, притягивающая всех даже когда я этого не хочу, играет против меня. Я уже начинаю думать о том, чтобы свалить в закат, а точнее, в ночь. Сброшу Ди сообщение в телегу, скажу, что у меня месячные внепланово начались.

Я даже поднимаюсь со стула, разворачиваюсь в сторону выхода, бросая на стойке недопитый коктейль, когда на сцену поднимаются Роб и Ди. Ноги вырастают в пол, а во рту становится сухо, как будто я весь день бродила по Дубайску без бутылки воды. Роб все так же безупречно элегантен, а Ди... Ди полностью обнажена. Не считая того, что ее длинные волосы сейчас каскадом прикрывают тело.

Это первый раз, когда мне захотелось отрастить длинные волосы. Первый. Потому что обычно я хожу с каре, но сейчас это смотрится так дико, первобытно и провокационно, что я на миг задумываюсь о смене прически. Моя мама очень любила, когда у меня были длинные волосы. Она их подолгу расчесывала, заплетала мне косички, а потом съебалась нахрен с каким-то смазливym продюсером в Штаты. Он решил, что у нее очень красивый голос. И сиськи. С тех пор я ненавижу длинные волосы.

Но только не сегодня, и только не когда Диана становится к высокой крестообразной распорке. Не помню, как она называется, да это и неважно, важно только то, что Роб запирает

ее запястья в кожаные наручники. Точнее, как он это делает. Сначала скользит пальцами по предплечью и только потом затягивает ремешки.

Я, кажется, забываю как дышать, и не только я. Там ведь и до них что-то происходило, на сцене, но в зале все равно было достаточно шумно. Сейчас у всех кончились слова, тишина стоит такая, что мне кажется, я слышу скрип затягиваемой на запястьях Ди кожи. Это, конечно, обман слуха, но я все равно задерживаю дыхание. Ощущение такое, что я сейчас вдохну, выдохну — и нарушу всю красоту момента.

Волосы ей тоже убирает он: стягивает в пучок, открывая на всеобщее обозрение изящную спину. Ягодицы. Сейчас, когда она распята, обнажена и на первый взгляд беззащитна (потому что беззащитность и Ди — слова-антонимы), ее ноги кажутся особенно длинными.

Не представляю, остался ли в зале мужчина, который ее не захотел. Хотя, возможно, те, что сидят на цепи, сейчас представляют себя на ее месте со своими господами. Не знаю, как у них мозг там работает, я же неотрывно слежу за Робом. Вот он отходит, осматривая ее, снимает с большой подставки кнут (или хлыст?), который вынесли перед самым началом представления.

— Роб невероятный, правда? — еле слышно произносит какая-то девушка.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее и ловлю себя на раздражении. Не просто на раздражении: миниатюрная пухленькая рыжая меня бесит. При том, что она мне даже в подметки не годится! А еще я никогда раньше не цеплялась за женщин из-за мужчин. В моей картине мира это они должны за нас соперничать, а не мы за них.

Я ничего не отвечаю, отворачиваюсь. Смотрю, как его ладонь стекает вдоль позвоночника Ди, и как она тянется за его рукой, стремясь продлить это прикосновение. Это дико, но я словно чувствую это прикосновение сама. Как будто это я там распята, поэтому когда Роб отходит назад, замахивается — и кнут облизывает изящную спину, у меня темнеет перед глазами.

Жар растекается по телу, в горле становится сухо, губы горят. Я никогда себя так не чувствовала! Ни-ког-да! Но сейчас, когда аккуратные удары ложатся на тело Ди один за другим, когда она выгибается, с моих губ стекает странный гортанный выдох. Как будто я и впрямь стала ею.

Это продолжается... сколько? Не знаю. Здесь нет часов, совсем как в казино. Алые полосы, вспыхивающие на белоснежной коже Ди, темный длинный язык кнута, сила удара, свист вспарываемого воздуха... Когда все заканчивается, я чувствую себя как пьяная. Или обдолбавшаяся, потому что даже не замечаю, как он ее отстегивает, а потом куда-то несет.

— У него безупречная техника, — произносит рыжая уже в полный голос. Представление окончено, Роб с Ди на руках поднимается на второй этаж, скрывается за дверью, а в зале снова шумно, и музыка не имеет ничего общего с той совершенной симфонией: свист, хлопок, выдох, стон, которые были еще минуту назад. — И медицинское образование, у нас он один, кто так управляется с кнутом. Но к нему совершенно нереально попасть. Правда. Я уже три раза пыталась... а ты вроде с ней пришла. Не знаешь, как ей удалось?

— Не знаю, — раздраженно отвечаю я, но рыжая из тех, кто явно не понимает намеков.

— Жаль. А как тебя зовут?

— Никак. Мне пора, — я поднимаюсь, успеваю только поймать ее удивленный взгляд, и иду к выходу. Но на полпути останавливаюсь. Меня бесит то, что происходит со мной, сейчас меня бесит даже Ди, и все же ноги сами несут меня к лестнице. Я поднимаюсь тем же путем, что Роб, осматриваюсь — здесь несколько дверей, и все они плотно закрыты.

Если бы я не видела, куда он вошел, вряд ли поняла бы, где искать. Звукоизоляция здесь на уровне, я не слышу ни звука, что бы там, за этими дверьми ни происходило. Но сейчас меня словно кто-то толкает, я поворачиваю ручку двери, и...

— Если бы ты была участницей клуба, за такое тебя бы сразу исключили, — холодный голос Роба окатывает, как ледяной душ. Он стоит прямо напротив меня и смотрит: глаза в глаза. — Сейчас мазь впитается, и Диану нужно будет отвезти домой. Справишься?

Меня холодный пот прошибает, от того, что он только что сказал. Это значит, что второе собеседование мне не светит? Или что?

— Я сама справлюсь, — доносится голос Ди. Она лежит на кровати на животе, и вид у нее такой... отлетевший. Как будто она домедитировалась, как мы любим ржать.

— Справишься? — повторяет Роб. — За руль ей сейчас нельзя. Возьмете такси.

— Да, — киваю я. — Да, справлюсь.

— Проходи, — он отступает, — твоя ответственность — довезти ее до дома в целости и сохранности.

Это звучит так, что если я справлюсь, у меня еще будет второй шанс. А если нет...

— Манипулятор хренов, — когда за ним закрывается дверь, Ди еле языком ворочает. — Ему же позвонили, сказали, что ты идешь. Он сам дверь открыл... чтобы посмотреть, на что тебя хватит.

Я пропускаю ее слова про Роба мимо ушей, хотя больше всего мне сейчас хочется поговорить о нем. Узнать, как они познакомились, все такое. Вместо этого я спрашиваю:

— Ты как?

— Улетно. — Она закрывает глаза.

Я же подхожу ближе и рассматриваю ее спину. Крови нет. Красные полосы, припухшие, под ними кое-где кровоподтеки, но кожа не рассечена, вообще. Как можно это сделать так таким... орудием? Впрочем, спрашивать об этом Ди не вариант. Она в трансе. Я видела ее всякой, но такой впервые.

Когда мы идем к такси, ее шатает, она вообще не возражает по поводу того, что машину придется оставить здесь на стоянке. И, стоит нам сесть в уютный кондиционированный бизнес-салон, засыпает. У нас в городе вообще-то нет бизнес-такси. Есть одна контора, у нее три машины, три водителя, их телефон на всякий случай у меня стоит на быстром наборе.

Можно было бы потряхнуть отцовского водителя, но потом воя было бы на весь коттеджный поселок. По поводу моей дружбы с Ди, которую «в полуобмороке» приходится везти домой.

В телеге обнаруживается куча сообщений от Марата, но у меня сейчас нет ни сил, ни желания с ним общаться. Так же, как с Никитой, который видит висящую на мне Ди и... даже не охреневает.

— Возвращаю в целости и сохранности, — сообщаю я. — И если будет падать, не клади на спину.

Он мрачно кивает.

— Пф-ф-ф, — это выдает Ди, я же быстро прощаюсь и возвращаюсь в машину. Что она нашла в Мелехове — вопрос столетия. Он не из нашей лиги, обычный средний парень, даже внешка простецкая, белобрысый, с серыми глазами. Да, я могу понять, что ей хотелось позлить отца, но не настолько же. Я просто не представляю, как можно с ним после всех ее мужиков... после таких, как Роб. Хотя вот это уже совершенно точно не мое дело.

Оказавшись на заднем сиденье машины, я пишу Робу: «Ди дома. С ней все хорошо».

Он предсказуемо не отвечает.

Иллюстрация. Ники

ГЛАВА 7

Андрей

В моей голове слишком много мыслей о той, кого там быть не должно. Диана Астахова — точная копия отца, у нее в глазах читается: «К своей цели по головам». Но почему-то сейчас именно моя голова ей забита, а на губах ощущается вкус ее губ. Я не могу дать этому определения, потому что в моей жизни хватает секса, женщин... да абсолютно всего хватает. Эта маленькая засранка в ней абсолютно точно лишняя, и это злит, раздражает еще сильнее. Потому что таких, как она, я ненавижу. Получающих все с рождения, воспринимающих как должное, еще и считающих, что ей все должны, только потому что она — Астахова.

Но Астахова у меня в голове, это факт. Этого не отменить. Возможно, потому что на краю сознания я сравниваю ее с Кирой.

Это смешно. Это было бы смешно, если бы не было так, мать его, больно.

Но это факт.

— Андрей Николаевич? Я могу идти? — Ко мне заглядывает Олеся.

Олеся — отражение Киры. Внешне. По характеру она совсем другая, Кира никогда не спрашивала «можно?» Она просто брала и делала, и в этом Астахова тоже безумно на нее похожа.

— Я бы спросил, почему ты еще здесь, если твой рабочий день закончился несколько часов назад?

— Вы просили доделать документы...

— Это можно доделать утром, — я смотрю ей в глаза. — Там не было ничего срочного.

— Мне так проще. Утром будут новые задачи.

Как две сестры могли получиться такими разными? Такими разными и в то же время такими похожими.

— Хорошо. Иди.

— До завтра, Андрей Николаевич.

— До завтра.

За окном — сгустившиеся осенние сумерки. Осень в этом году полосатая, то холод и заморозки, то резкое потепление, как сегодня. А вот дождей, как ни странно, нет. В ту последнюю с Кирой осень дожди шли каждый день. Она могла весь день проваляться в кровати, выкуривая сигарету за сигаретой, обложившись чипсами, мороженым, поставив рядом бутылку вина и бокал и рыдая над какими-то сопливыми сериалами на стримингах.

В этом они с Астаховой не похожи совсем.

Я не могу представить дочь Дмитрия плачущей. Вообще.

К хренам собачьим. Мне пора домой, а не вот это вот все.

Стоит выйти из офиса, как прощальное тепло набрасывается с объятиями. В такие вечера хочется ходить пешком, а не стоять в загазованных пробках, даже если от этих пробок уже одни остатки. Тем не менее я за рулем, и, оставив машину на подземной парковке нашей элитной новостройки, я прямо оттуда поднимаюсь в находящийся в нашем ЖК винный бутик.

Бутылка, которая стоит как минимальный размер оплаты труда в нашем городе, в каком-то смысле мой откуп за то, что в нашем с Ириной браке ключевое слово «брак». У меня никогда не было нормальных отношений, так может, не стоило и пытаться? Кому и что я хотел доказать, когда женился, когда появился Сергей? Что я нормальный отец? Примерный семьянин?

Нормальный и примерный — это слова, которые всегда звучат как фальшивые ноты.

Тогда зачем это всё?

— Добрый вечер, Андрей Николаевич, — дверь мне открывает Алёна, наша домработница и по совместительству няня, — Ирина Михайловна уехала на презентацию, сказала ее не ждать. Сережу я покормила, сейчас сделаю все для вас и уложу его спать.

— Не нужно. Я сам уложу, — я протягиваю ей бутылку вина в крафтовом пакете. — Это вам.

— Мне? По поводу? — теряется она, но тут же находится: — Спасибо. Точно не нужно помочь с Сережей? Уроки мы сделали, он сейчас смотрит мультики.

— Точно. — Горло почему-то режет, как при начинающейся простуде. Хотя я прекрасно знаю, что простуда здесь ни при чем и знаю это чувство. — Просто накрой на стол, и можешь идти.

— Хорошо!

Через полчаса я ем приготовленный Алёной ужин, почти не чувствуя вкуса. Готовит она отменно, но дело не в ней.

— Па-ап, — на кухню заглядывает Сергей, — а можешь мне включить мультики на телефоне? А то там ограничение мама поставила...

— И правильно сделала.

— Ну па-ап...

— Тема закрыта.

Сережка вздыхает, но плетется обратно, в свою комнату. Я слышу, как хлопает дверь.

Первый класс дался ему нелегко, смена обстановки, школа, учителя, все это... но скажите мне, кому и когда он давался легко. После ужина я оставляю посуду на столе, Алёна придет завтра рано утром и поставит все в посудомойку, и иду к сыну. Он сидит за столом и что-то рисует в альбоме. Планшет заблокирован тоже, это было наше с Ириной общее решение, чтобы он не сидел по полночи в гаджетах и нормально спал.

Совсем скоро ему не нужны будут мультики, а игры на планшете и смартфоне станут другими. Ирина права: дети растут быстро.

— Привет, — говорю я. — Тебе спать не пора?

— Пора, — вздыхает он.

— Зубы чистил?

— Не-а.

— Ну а чего сидишь тогда?

Сын спрыгивает со стула и идет в ближайшую ванную, а я смотрю на оставленный им рисунок. Пока что это просто скетч, но для ребенка его возраста просто отменный. Дракон, сидящий на верхушке башни.

— Классный рисунок, — говорю, когда он возвращается уже в пижаме.

— Да.

— Расскажешь о нем?

— Про дракона?

Я стягиваю покрывало, и он забирается на постель. Покрывало отправляется на кресло, сын пожимает плечами:

— Это урок по рисованию. Нужно нарисовать папу. Но как бы не папу, а образ. Мы так образное мышление развиваем.

Серьезно? Дракон? С другой стороны, спасибо, что не минипиг.

— И почему же я дракон?

— Драконы опасные. И они защищают свое.

— То есть эта башня — наш дом?

— Нет. Это твой офис.

Сын заворачивается в одеяло и отворачивается. На этом мне бы что-то сказать, но мне нечего. Кроме того, что он в чем-то прав, но это совершенно детский разговор.

Диана

Никитос вернулся к десяти — со своей идиотской работы, на которую его выдернули посреди ночи. Один из его коллег уронил себе на ногу телевизор, поэтому срочно потребовался сменщик. А кто у нас всегда готов? Правильно, Мелехов. К тому моменту, как он вернулся, я собиралась в универ. Надо же мне иногда там появляться, чтобы преподы на сессии в лицо узнавали. А то некоторых заедает даже за баблю зачёты и экзамены ставить, такие они у нас правильные и принципиальные. И на маршрутках катаются. Стоя перед зеркалом, я дёрнула плечом, когда Мелехов попытался меня обнять и поинтересовался:

— Как прошла рабочая ночь?

— Замечательно, — ответил он. — Во сколько вернёшься сегодня?

Я посмотрела на его отражение и фыркнула.

— Боюсь, что сегодня ты будешь не в состоянии обеспечить мне бурную ночь любви.

Никитос сейчас выпьет кофе и поедет в свой универ, даже не отдохнув. Нравится корчить из себя героя — пожалуйста: сто раз ему говорила, чтобы бросал свою идиотскую работу и не маялся дурью. Денег у нас вроде как на все хватает, но нет же — мы гордые.

— Дурацкое дело нехитрое, — отвечает он и уходит на кухню.

— Выглядишь как жертва атомной войны, — заявляю я ему вслед.

— Я тоже рад тебя видеть, — доносится до меня, когда я уже закрываю дверь.

Час-два-три-четыре-пять — вышла девочка гулять. Пусто, пусто, пусто. Скучно. Никак и ни о чём. День плавно переходит в вечер, а вечер — в ночь, по классическому сценарию: универ, клуб, пять часов утра, когда я совсем не трезвая от алкоголя и сигарет вваливаюсь в квартиру, спотыкаюсь о порог и каким-то чудом успеваю зацепиться за дверной косяк, а потом — за вышедшего в коридор Никиту.

— Когда ты начнёшь ложиться вовремя, — мрачно бормочу я.

— Когда ты перестанешь искать приключения на свою задницу.

Последняя фраза заставляет меня хихикнуть, а потом Мелехов отступает. Я выпускаю его плечо и всё-таки растягиваюсь в коридоре.

— Великолепно, — говорит он, глядя на меня сверху вниз, — красotka, одно слово.

— Иди ты.

Я соскребаюсь с пола и ползу в душ. Раздеваться приходится осторожно — от того, что я пьяна, спину после вчерашнего все равно жжет. Стянув платье с зубным скрежетом, я забрасываю его в стиральную машину.

В дверях ванной нарисовывается Мелехов, и всё его внимание сейчас приковано к моей исполосованной спине.

Оборачиваюсь и встречаюсь с ним взглядом.

— Что я могу сделать, чтобы ты перестала себя уродовать? — спрашивает он.

— Ничего, — криво ухмыляюсь я, — смиришься.

Захлопываю дверь перед его носом и сбрасываю туфли, смотрю в зеркало и присвистываю. Да, похоже, я опять слетаю с катушек, как несколько лет назад. Мое лицо выглядит каким-то совершенно неземным, глаза с расширенными зрачками сейчас кажутся не голубыми, а черными. Я инопланетянка.

Чем это всё кончится? Я не знаю. Да и, честно говоря, мне наплевать. В пустоте достаточно трудно найти чёткий ориентир, и нет никакого желания смотреть по сторонам: всё равно ничего нового не увидишь, кроме безликой размытой серости.

Что бы я сейчас сделала, если бы у меня был личный телефон Шмелёва? Наверное, позвонила бы и сказала ему всё, что о нём думаю — что он самоуверенный высокомерный ублюдок и что задолбал уже постоянным присутствием в моих мыслях.

Стою, уткнувшись лбом в холодную плитку, и вожу по ней подушечками пальцев. На какое время я так зависаю — не знаю. Очухиваюсь, когда из-за двери доносится взволнованный голос:

— Ди, с тобой всё в порядке?

Молчу, потому что на выдохе как-то странно не хватает воздуха. На вдохе и того хуже.

— Диана...

— В порядке! — рявкая я так, что горло обжигает внезапной болью. — Отвали! Хотя бы на десять минут отвали!

В какой момент руки сами собой сжимаются в кулаки так, что ногти до крови впиваются в ладони, я не замечаю.

— Отвали, — еле слышно повторяю я, хотя прекрасно знаю, что за дверью уже никого нет. Из зеркала на меня смотрит сумасшедшим взглядом моя Дориана Грэй, и я криво улыбаюсь ей. Мы всегда были на одной стороне, но в такие моменты, как сейчас, мне безумно хочется расколотить зеркало, только чтобы не видеть этой смазливой убудочной физиономии.

Обычно после таких переподвывертов я спасаюсь шоппингом. Когда куча пакетов, половину из которых я даже не разбираю, оказываются в руках, меня ненадолго отпускает. Вот и сегодня вечером меня почти отпускает, но, проходя по этажу молла к лифтам, я вижу Олесю. Ту самую Шмелёвскую секретаршу. Она закупается чем-то в отделе с бюджетным бельем.

В этот момент все, что меня отпустило, как-то разом снова переклинивает. Во-первых, я вспоминаю пронзительный синий взгляд, полный непробиваемой снисходительности. Во-вторых, наш разговор. В-третьих, наш первый разговор. Только когда я нажала кнопку вызова, меня посетила очередная гениальная мысль. Кто знает о Шмелёве многое? Правильный ответ: секретарь.

Ты решил, что можешь безнаказанно меня поймать? Окей. Мне просто надо дождаться того момента, когда этот непробиваемый хрен расслабится настолько, чтобы я смогла к нему подобраться, а потом... потом посмотрим, кто кого, Андрей. Когда я доберусь до той информации, которая покажется мне интересной, я всерьёз займусь твоим вопросом и поймею тебя так, что мало не покажется. Ради такого даже стоит потратить время и использовать некоторые человеческие ресурсы, в данном случае — Олесю. Пока Пашковский загадочно молчит. Надо будет его набрать, кстати.

Я ухмыльнулась открывшимся дверям лифта и развернулась на сто восемьдесят градусов.

Олеся как раз выходила из отдела, проверяя, все ли убрала в сумку. Я сделала вид, что просто иду ей навстречу, уткнувшись в пакеты, ускорила, и...

— Ой! — вскрикнула она, когда мы друг в друга врезались. Из ее рук выпала и сумка, и простенький пакетик. С трусами за сто пятьдесят рублей, я увидела ценник.

— Простите, пожалуйста... — начала было я. Выкуси, Ники, Астахова Ди еще как извиняется. Особенно если для дела надо.

Мы столкнулись взглядами, и Олеся широко распахнула глаза.

— Диана Дмитриевна... — пробормотала она.

О Боже. Где ж вас таких делают.

— Просто Диана, — сказала я.

Она моргнула. Как будто не могла поверить в то, что услышала.

— Олеся, я не кусаюсь, — сказала я. — И, поскольку уж я в тебя врезалась, с меня кофе.

— Не думаю, что это будет удобно...

Неудобно — это ходить, когда в заднем проходе что-то застряло. Вслух же я говорю совершенно другое:

— Неудобно будет мне, если я оставлю тебя без кофе после такой интересной встречи, — сказала я. В подтверждение своих слов даже опустила на корточки, подняла ее пакетик и сумку. — Вот. Держи.

Она продолжала на меня смотреть большими глазами, я же свои мысленно закатавала. Нет, я понимаю, что такие как я таких как она никуда не приглашают, но должно же у нее в голове крутиться хоть что-то. Например, что с такими как я, дружить выгодно.

— Не бойся. Андрей Николаевич ничего не узнает.

— Я не боюсь. — Олеся поудобнее перехватила сумку, а потом кивнула. — Хорошо. Давайте выпьем кофе.

— Давай, — сказала я. — Дианой Дмитриевной и на вы меня будут называть чуть попозже. Я надеюсь.

Олеся невольно улыбнулась, а я мысленно поставила себе зачет. Тем более что мы вдвоем уже шли в направлении фудкорта.

Олеся оказалась такой патологически простой, что меня начало от неё тошнить еще до того, как кончился кофе. Как-то мы завели тему человеческой наивности с Никитосом, и, как я и предполагала, наши мнения кардинально разошлись. Он говорил, что многие люди до определённого возраста живут в искусственно созданном родителями мире, поэтому при столкновении с реальной жизнью для них возникает много сюрпризов. Какое-то время Мелехов пытался убедить меня в том, что наивность не является синонимом глупости, потом махнул рукой. С моей точки зрения, термин «наивность» применим к любому человеку максимум до двенадцати лет. С двенадцати и до восемнадцати — это глупость, а всё, что выше восемнадцати — хронический идиотизм, коррекции не поддающийся.

Одна из моих так называемых школьных подружек называла таких «ископаемое». В гробу я видела таких ископаемых: чисто теоретически они либо полные идиоты, либо пропитанные собственным ханжеством неудачники. Если дамочка до двадцати пяти не устроила свою жизнь с кошельком на ножках, всё начинают списывать на порядочность и отсутствие корысти. Хрена с два. Подсуньте этой порядочной принца на белом гелике и посмотрите, куда денется вся порядочность через пару дней. На эту тему хорошо высказались Ильф и Петров в «Двенадцати стульях». Перефразируя их бессмертное творение с поправками на конкретную ситуацию: «Олеся была хронической идиоткой, и её возраст не позволял надеяться, что это поправимо».

Сначала я подумала, что это её фишка — стиль поведения такой, изюминка. Должна же у женщины быть своя изюминка. Увы, ближе к концу кофе, я начала подозревать, что она не притворяется, и мне стало грустно. Насколько понятие грусти вообще ко мне применимо. Одно дело общаться современную умную девчонку, у которой есть своя цель в жизни. Другое — святую невинность, у которой в прошлом два поцелуя и первая неразделённая любовь, вспоминая о которой, она до сих пор плачет под дорамами. Памятуя о ее начальстве, точнее, о его характере, мне было трудно представить, каким образом эта девушка вообще попала к Шмелёву.

Впрочем, цель была у меня, и вполне конкретная: поиметь Андрея Николаевича Великолепного. Сначала физически, а потом и морально — для этого я готова была потерпеть десятков Олесей, даже учитывая возможность того, что она выест мне мозги своей правильностью. Если бы не Шмелёв, ни за что не стала бы тратить время на эту дуру.

Перед выходными у нас с ней состоялась та самая памятная встреча в молле, на вторник я пригласила ее посидеть где-нибудь после работы, поэтому была искренне рада грядущим выходным и понедельнику (то есть дням без Олеси). Но, как частенько бывает, надежда на хорошие выходные была похерена явлением Дмитрием Семеновичем Астаховым. То есть открывая дверь квартиры, я не додумалась посмотреть в глазок, потому что ждала Никиту, а пришел он.

Папаша собственной персоной, в сопровождении своих двух неизменных телохранителей: Валерия и Димона. Шкафоподобные бугаи отличались богатырской силой, способностью закрыть папашу от пуль, как щитами капитана Америки, а еще мозгами ископаемых. Но мозги им, в общем-то, и не требовались, только животные инстинкты. Мозгом там был Пашковский, который с какой-то радости решил сбрасывать мои звонки.

— Чем обязана? — поинтересовалась я, когда эти трое ввалились в просторный холл.

Ладно, отец вошел. Он двигался, как хищник: плавно, но при его виде обосраться хотелось.

— Дверь закрой, — скомандовал Дмитрий Семенович Шкафу номер один, после чего повернулся ко мне без предисловий. — Ты что опять устроила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.